

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**Ю. А. Ли,
С. Ф. Орешкова**

СЕКТОР ТУРЦИИ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
(к полувековой истории существования)

Москва
2009

ISBN 978-5-89282-406-4

© Ли Ю.А., Орешкова С.Ф., 2009

© Институт востоковедения РАН, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

1. ТУРКОЛОГИЯ (некоторые замечания о развитии этой отрасли востоковедной науки в России)	5
2. СТАНОВЛЕНИЕ ТУРКОЛОГИИ В МОСКВЕ	12
3. ТУРКОЛОГИЯ И ЕЕ МЕСТО В АКАДЕМИЧЕСКОМ ВОСТОКОВЕДЕНИИ МОСКВЫ	18
4. СЕКТОР ТУРЦИИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН	30
5. А. М. ШАМСУТДИНОВ — ПЕРВЫЙ ЗАВЕДУЮЩИЙ СЕКТОРОМ ТУРЦИИ.....	41
6. ТУРКОЛОГИ, СОТРУДНИКИ СЕКТОРА ТУРЦИИ 1956–2008 гг.	47
7. В. А. ГОРДЛЕВСКИЙ И ЕГО МЕМОРИАЛЬНЫЙ КАБИНЕТ-БИБЛИОТЕКА	67
8. НЕКОТОРЫЕ ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ АВТОРОВ О ЖИЗНИ СЕКТОРА ТУРЦИИ И ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ	79
Указатель имен	92

1. ТУРКОЛОГИЯ (НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О РАЗВИТИИ ЭТОЙ ОТРАСЛИ ВОСТОКОВЕДНОЙ НАУКИ В РОССИИ)

Туркология — это та востоковедная дисциплина, с которой, собственно говоря, и начиналась в России эта наука. Многочисленные тюркские народы жили по соседству, а затем и в составе Российского государства. Эта близость порождала у русских интерес и необходимость знать языки, обычаи, менталитет, историческое прошлое и политические амбиции тюркских народов.

Соседство с Османской империей и связанные с ней проблемы геополитики, византийского наследства, судеб православных народов и противостояния с европейскими странами вывели туркологию на внешнеполитические рубежи. Из туркологии выделилась туркология.

Внимание к туркам и их государственному образованию — Османской империи было постоянным в российском Посольском приказе, а затем в Коллегиях и Министерстве иностранных дел. Именно там собирались сведения о южном соседе России, хранились литература и документальные материалы. Исполдволь накапливались сообщения многочисленных паломников в Святую землю и других россиян, оказавшихся на османской территории по собственной воле или в качестве пленных, а также приезжавших в Москву представителей православных народов, живших на османской территории. С 1497 г. осуществляется более или менее постоянный русско-турецкий обмен посольствами¹.

На базе этих знаний начинают закладываться и основы научной туркологии. В 1692 г. в России было написано первое оригинальное сочинение об Османской империи. Это «Скифская история» Андрея Лызлова, на две трети своего объема посвященная именно османам².

Туркологии трудно было пробиться за рамки политики и стать объективной научной дисциплиной, но тем не менее это происходило. В XIX в. в Казани, а затем в Петербурге складываются научные туркологические школы.

Востоковедение понималось первоначально как «наука о письменных источниках»³ на восточных языках, а потому прежде всего как языкознание и филология. Однако ознакомление с первыми же опубликованными в России османскими источниками, например, изданием А. К. Казем-Бекем «Семи планет» Мухаммеда Ризы⁴, истории османского вассала Крымского ханства, показывает, что это были не просто филологические штудии, а значительное расширение историко-политического мировоззрения российской науки. Такие османские источники заставляли и научный мир и российских управленцев почувствовать, что, создавая российскую имперскую структуру, нельзя обойтись без знания традиций и исторического прошлого тех народов и областей, которые в нее включались. Да и сама история России и русских тесно переплетена с историей соседних стран и народов. Тот же Казем-Бек, один из основателей российской научной востоковедения, писал: «Многие века заставляли Россию родниться с Востоком... Одни и те же светлые дни и дни невзгод вложили одну и ту же душу в сердца русских и восточных людей, которых в России многие миллионы и которые, будучи таким образом связаны жизнью с Россией, связаны в то же время и с дальним, не русским Востоком»⁵.

В этих условиях, как отмечал позднее академик В. В. Бартольд, ориенталист не мог ограничиться «чисто филологическими и лингвистическими задачами; предметом его интересов был Восток в целом, настоящее и прошлое восточных народов, что неизбежно приводило к рассмотрению вопросов, составляющих предмет исторической науки»⁶. Разделить эти сферы знаний, филологию и историю, было невозможно. Хотя по уставу 1863 г. в Санкт-Петербургском университете была образована особая кафедра истории Востока, но до 1896 г. она имела лишь единственного преподавателя — Н. И. Веселовского. Курсы же по истории читались представителями кафедр языков⁷. Об одном из блестящих профессоров Казанского, а затем Санкт-Петербургского университетов И. Н. Березине тот же Бартольд писал: «В его задачу не входило производство исторических исследований в собственном смысле слова, цель его была только доставление истории того материала, которого она имела право ожидать от филологии и археологии»⁸.

Так выработывался особый историко-филологический подход к востоковедению. Восточное источниковедение воспринималось как вспомогательная историческая дисциплина. Даже такой турколог-историк, как В. Д. Смирнов, впервые сознательно избравший предметом своих научных интересов именно историю, скромно

подчеркивал в своей докторской диссертации о Крымском ханстве под верховенством Оттоманской Порты, что он дает «только свод тех известий, которые находятся в турецких письменных источниках». «Необщепринятость и нераспространенность турецкого языка в ученом мире» делает необходимым такое издание, в котором бы исследователи могли почерпнуть «справки в данных, которые заключаются в памятниках турецкой письменности»⁹. И это в 1887 г. говорит автор сочинения, остающегося до сих пор наиболее серьезным и полным исследованием истории Крымского ханства османского времени. Им же были изданы фундаментальные работы об османской истории, литературе, отдельные эссе на османские темы и подготавливались публикации источников¹⁰. Напомним, что в некрологе, написанном В. А. Гордлевским, говорилось: «Смирнов после Хаммера был первый турколог, и не только, разумеется, в России, но и на Западе»¹¹.

Подход к туркологии как источниковедческой дисциплине и особое подчеркивание этого специалистами не были случайными. Этим туркология стремилась отстоять свою научную объективность. Ведь параллельно с ней развивалась политическая публицистика, по объему значительно превышая научные туркологические работы. Османская империя, геополитическая соперница Российской империи в Причерноморье и Кавказском регионе, издавна интересовала российскую общественность. С XV в. Россию стремились вовлечь в активную антиосманскую борьбу многочисленные посланцы от балканских народов, попавших под османское владычество, европейских стран, подвергавшихся османской агрессии, а также папства, пытавшегося сплотить христианский мир перед лицом исламской опасности. Это не могло не находить сочувствия в отдельных слоях российского общества и отражения в публицистической литературе, хотя до второй половины XVII в., до включения Украины в состав Российского государства, серьезного отклика антиосманская агитация не встречала ни в российских правящих кругах, ни среди широкой общественности. Позднее же, как известно, русско-турецкие войны стали постоянным фактором российской и османской внешней политики. Не всегда они были следствием непримиримых противоречий этих двух империй. Значительно чаще являлись результатом общеевропейских конфликтов и интриг европейской дипломатии¹². Однако суть дела это не меняло. Эти две державы воевали между собой в XVIII–XIX вв. больше, чем с кем бы то ни было. В российском обществе начал вырисовываться в лице Турции, Османской империи, образ врага, а «закономерное» продвижение на юг — как «естественная потребность» российского государства¹³. Существует огромная литература, в том

числе и научная, посвященная русско-турецким войнам, их и военным и дипломатическим аспектам, Восточному вопросу как общеевропейской международной проблеме и т. п. На этом фоне противник — Османская империя — зачастую оказывалась в тени. Ее проблемы, трудности, внутренние реформы и достижения интересовали лишь с точки зрения возможного противостояния в будущих войнах. К тому же борьба за Балканы и другие нетурецкие районы Османской империи порождала поток сведений, исходивших от представителей тех народов, которые надеялись с иностранной помощью освободиться от османского владычества, а потому для европейского читателя стремились приуменьшить мощь этой восточной империи, подчеркнуть страдания своего собственного народа, необходимость поддержать его борьбу за независимость. Политическая составляющая таких сведений и такой литературы естественна, и она порой заставляла исследователей Османской империи быть очень осторожными в своих оценках и выводах, прятаться за сведения источников. В. В. Бартольд, имея в виду множество изданий публицистического характера, касающихся, в частности, Османской империи, отмечал: «...сосед Востока, Россия, несмотря на это соседство, часто предпочитала чтение плохих западных книг о Востоке непосредственному изучению Востока»¹⁴. Настоящим исследователям Османской империи в России сказать что-то свое, расходящееся со складывавшимися представлениями об этой державе в Европе, было очень трудно.

Подобную же картину мы наблюдаем в американской османистике, которая стала активно развиваться после Второй мировой войны. На состоявшейся в мае 1971 г. в Висконсинском университете (США, Мэдисон, Висконсин) конференции «Османская империя и ее место в мировой истории»¹⁵ ее участники констатировали, что османистика в США сформировалась как дисциплина, сопутствующая европейской истории, в частности истории европейской дипломатии и Юго-Восточной Европы. Первоначально это изучение развивалось без какой-либо связи с языком и культурой османов. Основными источниками служили сообщения европейцев, побывавших в стране, либо, в лучшем случае, христианских подданных Османской империи. От тех и других трудно было ожидать объективности исследования османского общества, которому они, решая так называемый Восточный вопрос, предрекали гибель в ближайшем будущем. Профессор С. Шоу иронизировал по этому поводу: «Трудно понять, как почтенные и опытные историки, которые отвергли бы как абсурдную мысль, что общество и правительственные учреждения Франции можно изучать, опираясь лишь на англоязычные описания, пытаются

исследовать Османскую империю по таким же мало убедительным свидетельствам». И далее он поставил тогда перед американскими историками следующую задачу: никакие исследования по внутренней истории Османской империи или современной Турции не могут быть выполнены без использования турецких источников, причем не из вторых рук, а изученных самим автором исследования¹⁶.

Эта же проблема стояла перед российскими туркологами на рубеже XIX–XX вв. «Здоровый милитаризм»¹⁷ российской буржуазии вел страну к Первой мировой войне и разделу «османского наследства». Сохранить свою научную объективность академическая туркология старалась, уйдя в источниковедение, а для этого необходимо было хорошее знание восточных языков и понимание восточного менталитета. Традиции накопления таких знаний в России имелись.

Уже при создании Петербургской Академии наук среди «первого призыва» ученых из-за границы были и востоковеды, знающие турецкий язык. Это Теофил (Готлиб) Зигфрид Байер (1694–1738) и Георг Якоб Кер (1692–1740)¹⁸. Кер, в частности, подготовил несколько «знатоков ориентальных языков», некоторые из которых работали позднее на русской дипломатической службе в Турции¹⁹. Известно также, что еще со времен Петра I в Стамбул в российские посольства посылались выпускники московских «латинских школ» для обучения турецкому языку²⁰. Судьбу этих учеников, как отмечали исследователи, проследить не удастся, но, например, в 1746 году некий студент Александр Равич разбирал и описывал архив мухафыза Ильяса Колчак-паши, коменданта турецкой крепости Хотин, взятой русскими войсками в 1737 г. Эта документальная коллекция, хранящаяся в настоящее время в Архиве внешней политики Российской империи в Москве (АВПРИ ф. 26), до сих пор остается на той стадии обработки документов, в которой ее оставил А. Равич. Этот факт заставляет констатировать, что в России и в настоящее время имеются османские документы, не вовлеченные в должной мере в научный оборот, а составление сводного каталога их остается задачей, стоящей перед будущим поколением туркологов-османистов. Само же сохранение хотинского архива свидетельствует, что уже в середине XVIII в. в России осознавали значение подобных архивных коллекций.

Научный подход к осмыслению Востока начал формироваться в России с начала XIX в.²¹ В соответствии с новым Регламентом Академии наук (1803 г.) востоковедение (ранее претерпевшее уже ряд реорганизаций) утверждается среди научных дисциплин, разрабатываемых Академией. Создается Азиатский музей (1818 г.). В университетах (по университетскому уставу 1804 г.) разрабатывается

новый университетский тип преподавания восточных языков. Как писал в 1825 г. известный журналист, издатель «Московского телеграфа» Н. А. Полевой, «...никогда не было такого сильного, как ныне, такого деятельного занятия восточными языками, восточной литературой и древностями»²².

Развитие туркологии шло в общем русле востоковедных исследований, в тесном переплетении с арабистикой и иранистикой. Ее представляли такие фигуры, как Х. Д. Френ (1782–1851), Б. А. Дорн (1805–1881), А. К. Казем-Бек (1802–1870), О. И. Сенковский (1800–1858), И. Н. Березин (1818–1896) и университеты — Казанский и Санкт-Петербургский. Вершинной фигурой петербургской академической туркологии стал В. Д. Смирнов.

Постепенно туркология начинает выходить на передовые рубежи востоковедной науки. Как констатировал В. В. Бартольд в 20-х гг. XX в., благодаря трудам петербуржца Смирнова и московских профессоров Крымского и Гордлевского, «русская наука обладает такими подробными очерками турецкой литературы, каких на русском языке еще нет по истории литератур арабской и персидской»²³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 См.: Белокуров С. А. О посольском приказе. М., 1906; Данциг Б. М. Изучение Ближнего Востока в России (XIX — начало XX в.). М., 1968; он же: Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965; он же: Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973; Неклюдов А. Начало сношений России с Турцией. Посол Иоанна III Плещеев // Сборник главного архива МИД. Вып. III. М., 1983; Мейер М.С. Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений // Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией. М., 1996; Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. М., 1982.
- 2 Лызлов А. Скифская история. М., 1990.
- 3 Конрад Н.И. Старое востоковедение и его новые задачи // Конрад Н. И. Запад и Восток. Статьи. М., 1977, с. 7.
- 4 «Ассеб-ас Сейар» или «Семь планет», содержащих историю Крымского ханства от Менгли Гирей-хана I до Менгли Гирей-хана II. Сочинение Сеид Мухаммед Ризы. Издание Императорского Казанского университета под наблюдением М. А. Казем-Бека. 1832.
- 5 Казем-Бек А.К. Необходимые изъяснения // Северная пчела, 1860, № 84, с. 20.
- 6 Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. Т. IX, с. 734.

- 7 Бартольд В. В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Там же, с. 142, 146.
- 8 Бартольд В. В. История изучения Востока..., с. 748.
- 9 Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887; 2-е издание. М., 2005, с. 29.
- 10 Григорьев А. П. Хронологический перечень трудов В. Д. Смирнова и литература о нем // Тюркологический сборник. 1973. М., 1975, с. 258–281.
- 11 Памяти В. Д. Смирнова (1846–1922) // Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. IV. М., 1968, с. 411.
- 12 См.: Орешкова С. Ф. Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения // Вопросы истории, 2005, № 3, с. 34–46.
- 13 Орешкова С. Ф. Некоторые размышления о развитии тюркологии и османистики // Turcica et Ottomanica. Сборник статей в честь 70-летия М. С. Мейера. М., 2006, с. 22–24.
- 14 Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX, с. 482.
- 15 The Ottoman State and its Place in World History. Leiden, 1974. Об этой конференции см. статью С. Ф. Орешковой // Проблемы истории Турции. Сборник статей. М., 1978, с. 102–114.
- 16 Shaw S.J. Ottoman and Turkish Studies in the United States // The Ottoman State and its Place in World History, с. 121, 125.
- 17 Формулировка В. П. Рябушинского. См.: «Великая Россия». М., 1911, кн. 2, с. 5.
- 18 См.: Кононов А. Н. Из истории изучения тюркских языков в России // Библиографический словарь отечественных тюркологов. М., 1974, с. 14.
- 19 Данциг Б. М. Изучение Ближнего Востока в России, с. 8–10; Шувалов М. П. Очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера // Сборник Московского главного архива МИД, вып. 5. М., 1893, с. 96.
- 20 См.: Полное собрание законов Российской империи. М., 1830, Т. V. № 2978; Иванов П. Дополнительные сведения о распоряжениях Петра Великого для обучения русских восточным языкам // Журнал Министерства народного просвещения. СПб, 1853, ч. 80, октябрь, отд. VII, с. 28–29.
- 21 Сопленков С. В. Восточные штудии в Москве (первая половина XIX века). М., 2000, с. 3.
- 22 Полевой Н. А. Новейшие исследования и сочинения касательно восточной литературы и древностей // Московский Телеграф. М., 1925, ч. 6, № 21, с. 76. Цит. по: Сопленков С. В. Восточные штудии, с. 25, 49.
- 23 Бартольд В. В. Сочинения. Т. IX, с. 471.

2. СТАНОВЛЕНИЕ ТУРКОЛОГИИ В МОСКВЕ

Хотя еще по университетскому уставу 1804 г. в Московском университете создавалась кафедра восточной словесности, турецкий язык там не изучался¹. Лишь в 1925 г. Н. К. Дмитриев ввел преподавание тюркских языков на этнографическом отделении этнологического факультета².

В Москве существовало, однако, частное «Армянское Лазаревых учебное заведение», которое в 1827 г. писало Министерству просвещения, что оно поставило своей целью «юношеству не только армянскому, но и всем желающим, доставлять способы к образованию в науках и особенно к теоретическому и практическому изучению восточных языков»³.

До 1872 г. это учебное заведение, хотя и именовалось с 1828 г. как «Армянский Лазаревых институт восточных языков», имело лицейско-гимназический статус. Новый же устав, полученный Лазаревским институтом в 1871 г., позволил, наряду с гимназией, создать «Специальные классы, или что то же — университетский факультет»⁴. Традиции, сложившиеся в Лазаревском институте, и «Правила преподавания восточных языков», опубликованные еще в 1830 г., предписывали преподавание арабского, персидского и турецкого языков «начинать с арабского, как основания обоих других. Через два года после арабского следует приступить к изучению персидского и потом год заниматься турецким, начиная с грамматики и продолжая упражнениями в чтении лучших писателей, разговорах и сочинениях. Лекции заключают в себе общий взгляд на историю, географию и литературу... восточных народов»⁵. Так Институт готовил «опытных переводчиков восточных языков» и чиновников для административной службы в Закавказском крае, «хорошо знакомых со всеми употребляемыми за Кавказом языками»⁶. Высокое качество практической подготовки выпускников Лазаревского института подчеркивал министр иностранных дел А. М. Горчаков, отмечавший, что некоторые из институтских «воспитанников поступили в МИД и министерство чрезвычайно довольно их знаниями восточных языков»⁷.

Языковая подготовка студентов-лазаревцев равнялась той, которую давал ведущий тогда в востоковедном образовании Санкт-Петербургский университет. Недаром Азиатский департамент министерства иностранных дел в свое Учебное отделение, имевшее узкопрактическую цель готовить «приспособленных к делу драгоманов из русских подданных для наших миссий в Турции и Персии», в своих правилах 1882 г. предписывал принимать только выпускников Санкт-Петербургского факультета и специальных классов Лазаревского института восточных языков⁸.

С последнего десятилетия XIX в. Лазаревский институт становится не только поставщиком знатоков восточных языков, но и крупным востоковедным научным центром. Такое превращение было связано с приходом на работу в это учебное заведение профессоров Московского университета Ф. Е. Корша и В. Ф. Миллера. Ф. Е. Корш (1843–1915) с 1892 г. возглавлял кафедру персидской словесности, а В. Ф. Миллер (1848–1913) в 1897 г. был назначен директором Лазаревского института. Ни один из этих профессоров не был профессиональным туркологом, но влияние их на развитие туркологии и, шире, московского востоковедения, огромно. Их ученик А. Е. Крымский так характеризовал этих ученых: «Оба первоклассные таланты, оба — глубоко ученые лингвисты, оба — с одинаковой разносторонностью научных интересов и одинаковым тяготением к славянству и Востоку, оба — всесторонне образованные люди с поразительной литературной начитанностью, оба — исследователи-художники с превосходным эстетическим чутьем»⁹. В Специальных классах Лазаревского института работали тогда и другие известные специалисты того времени. Всеобщую историю преподавал профессор Московского университета В. И. Герье (1837–1919), организатор и директор Высших женских курсов в Москве¹⁰. Лекции по русской словесности читал А. Н. Веселовский (1843–1918)¹¹. Несмотря на столь квалифицированный преподавательский состав собственной профессуры, расписание занятий в Специальных классах строилось так, что студенты могли вдобавок к своим занятиям посещать лекции в Московском университете¹².

Наиболее выдающимися учениками-туркологами этого звездного состава профессоров стали А. Е. Крымский (1871–1942) и В. А. Гордлевский (1876–1956).

А. Е. Крымский, окончивший Институт в 1892 г. и столкнувшийся с новой профессурой уже позже, в период подготовки к профессорскому званию, вспоминал, что прежний (до В. Ф. Миллера) директор пенял ему: «Вы углубляетесь в историю Востока, зачем это! Нужно

учить только язык, больше ничего»¹³. Теперь же круг образовательных возможностей намного расширился, но несмотря на это и Крымский и Гордлевский после окончания Лазаревского института учились еще на историко-филологическом факультете Московского университета, после чего были командированы на Ближний Восток: Крымский три года провел в Сирии и Ливане, Гордлевский — в Турции, Сирии, а последний год в Париже. Лишь на новом, накопленном в командировках, материале они приступали к написанию своих магистерских сочинений.

Среди востоковедных работ А. Е. Крымского по объему преобладают исследования по арабистике и иранистике¹⁴, однако велик вклад этого ученого и в туркологию. Его «История Турции и ее литературы от расцвета до начала упадка» (1910) и «История Турции и ее литературы» (Т. 1) (1916) представляют собой такие справочники, которые квалифицированно вводят российских читателей в историю и культуру страны. Их можно назвать лучшими обобщающими туркологическими работами дореволюционного периода. В качестве приложения к книге 1910 г. автор помещает очерк «О «туркофильстве» Европы и Московской Руси XVI в.»¹⁵. Это исследование, как и другой его очерк «Царьград»¹⁶, показывают, что российская научная туркология могла уже бросить вызов туркофобской публицистике и предложить свой взгляд на турко-османскую историю.

В 1918 г. А. Е. Крымский переезжает в Киев, где становится одним из организаторов украинской науки. По истории Турции в 1924 г. им была написана специальная работа на украинском языке. В 1996 г. она была переиздана¹⁷. Однако до сих пор библиографической редкостью остается ряд украинских публикаций этого ученого 20–30-х годов, в частности касающиеся источников по средневековой истории Турции.

Младший современник А. Е. Крымского и на первом этапе своей научной деятельности его ученик, В. А. Гордлевский стал не только крупным специалистом по турецкому языку, литературе, истории, но и хранителем в советское время традиций российской туркологии и создателем московской школы туркологов¹⁸.

Лазаревский институт и факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета в конце XIX — начале XX в. были двумя главными востоковедными центрами в России. Они не дублировали друг друга, а явно имели разную направленность¹⁹. В Москве изучались лишь страны Ближнего и Среднего Востока, упор делался не на классическую филологию, древнюю и средневековую литературу и культуру этих стран (как в Петербурге), а на новые языки,

литературу, культуру и историю арабских стран, Ирана, Турции, народов Закавказья и Средней Азии. Так как Институт готовил дипломатических и административных работников, то в программах было больше юридических и экономических дисциплин. Направленность научных интересов профессуры Института также касалась прежде всего изучения современного Востока, чему способствовали и обязательные длительные зарубежные командировки, предусматривавшие пребывание в живой языковой среде изучаемого народа, изучение не только литературного, но и простонародного языка, покупку книг и рукописей.

Эта традиция сохранялась даже в период Первой мировой войны, когда Институт испытывал значительные материальные трудности, сократилось число студентов, и сложилось так, что один за одним уходили из жизни крупные ученые. В 1916 г. В. А. Гордлевский был командирован на Кавказский фронт. Военные действия тогда продвинулись в глубь Анатолии. Профессор был там и военным корреспондентом газеты «Русские ведомости», и переводчиком, но главным для себя считал поиск и спасение от огня войны ценных рукописей и этнографические наблюдения за жизнью, бытом, верованиями населения анатолийской глубинки. Эти наблюдения были им позднее опубликованы²⁰.

После революции Лазаревский институт претерпел ряд реорганизаций, но в конце концов сохранился как Московский институт востоковедения, просуществовавший до 1954 г. Он утратил свою функцию подготовки административных кадров для восточных районов страны и стал специализироваться лишь на изучении языков и народов зарубежного Востока. Как писал В. А. Гордлевский, это изучение, к сожалению, шло, «так сказать, заочным путем, заочно». Оно было оторвано от почвы, плохо подпитывалось иностранной литературой, западной и восточной²¹. Тот же В. А. Гордлевский констатировал в 1947 г.: «Московский институт востоковедения представляет комплексный вуз, подготовляющий на базе знания языков, восточных и западных, референтов-переводчиков. Практически, может быть, это и правильно, но теоретические знания, и по языку, и по стране, и по экономике все-таки уступают уровню лиц, прошедших специальные вузы, исторические, экономические. Комплексность отживает свой век»²².

Развитием этих взглядов являлось введение преподавания востоковедных дисциплин в университетское образование. Такие попытки делались неоднократно, но утвердились организационно лишь во время Великой Отечественной войны, когда восточные отделения

были созданы на филологическом и историческом факультетах МГУ. На филфаке, хотя турецкий язык и преподавался, общая направленность была тюркологическая. Истфак же в своих востоковедных штудиях придерживался зарубежной направленности²³.

К сожалению, организационные преобразования в востоковедном образовании и далее не прекращались. В 1954 г. без каких-либо внятных объяснений был закрыт Московский институт востоковедения (МИВ) (часть его студентов была переведена в Московский государственный институт международных отношений, где было создано восточное отделение), сократилось число студентов-востоковедов на истфаке. Затем в 1956 г. на базе восточных отделений истфака, филфака и Военного института иностранных языков создается новое учебное заведение — Институт восточных языков при Московском государственном университете. Он существует и поныне, изменив, правда, свое название — Институт стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ.

В 90-е годы XX в., в период так называемой «перестройки», учебные востоковедные отделения стали создаваться во многих вузах — Российском государственном гуманитарном университете, Институте иностранных языков и др. В настоящее время получить востоковедное образование можно в разных институтах, но, к сожалению, развитию научного востоковедения, и в частности тюркологии, это не способствует. Выпускники предпочитают идти на практическую работу, в коммерческие структуры и т. п., благо экономические и туристические связи с Турцией развиваются. Наука же явно страдает от отсутствия молодых исследователей. Старшему поколению некому передать свои знания. Такой разрыв поколений был в 20–30-е годы XX в. Сейчас история повторяется.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Веселовский Н.И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России // Труды третьего Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге. Т. 1. СПб. — Лейден, 1879–1880, с. 202.
- 2 Стариков А. А. Из истории восточной филологии // Советское востоковедение. М., 1955, № 6, с. 86; он же: Восточная филология в Московском университете // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. III. М., 1960.
- 3 Цит. по: Базиянц А.П. Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973, с. 36.
- 4 Тридцатилетие специальных классов Лазаревского института восточ-

- ных языков. 1872–1902. М., 1903, с. 5.
- 5 См.: Собрание высочайших указов и актов, относящихся до Московского армянского Лазаревых института восточных языков. СПб., 1839.
 - 6 См.: Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, с. 131–132; Речи и отчет произнесенные в торжественном собрании Лазаревского института восточных языков. М., 1865, с. 29.
 - 7 См.: Семидесятилетие Лазаревского института восточных языков, 1815–1890. М., 1891, с. 21. Базиянц А. П. Лазаревский институт..., с. 54.
 - 8 См.: Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. М., 1974, с. 30–31, где эти сведения приводятся со ссылкой на неопубликованную работу В. А. Жуковского «Очерк постановки практического востоковедения в западноевропейских государствах и России, история возникновения Учебного отделения и обзор его 84-летнего существования // Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 17, оп. 1, № 183 (машинопись), л. 7а–8а.
 - 9 Крымский А. В. С. Миллер (Некролог) // «Голос минувшего», 1913, № 12, с. 319. Цит. по: Базиянц А.П. Лазаревский институт..., с. 111.
 - 10 Гордлевский В. А. В.И. Герье как историк Востока (1837–1919) // Избранные сочинения. Т. IV. М., 1968, с. 452–455.
 - 11 Гордлевский В. А. Чествование проф. А. Н. Веселовского; Памяти А. Н. Веселовского // Там же, с. 441–445.
 - 12 См.: Гурницкий К.И. Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980, с. 16.
 - 13 Там же, с. 168.
 - 14 Там же, с. 178–186. Приводится список трудов А. Е. Крымского по востоковедению (129 названий), его художественных произведений, статей в энциклопедиях и периодической печати.
 - 15 Крымский А. Е. История Турции и ее литературы. М., 1910, с. 154–156.
 - 16 История Турции. Царьград. М., 1915.
 - 17 Крымський Агатангел. Історія Туреччини. Київ — Львів, 1996.
 - 18 Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов, с. 148–149; Базиянц А. П. Владимир Александрович Гордлевский. М., 1979. Там же (с. 57–79, библиография работ ученого).
 - 19 Базиянц А. П. Лазаревский институт..., с. 158.
 - 20 См.: Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. III. М., 1962.
 - 21 Московское востоковедение после Октября // Там же. Т. IV. М., 1968, с. 343.
 - 22 Там же, с. 345.
 - 23 См.: Заходер Б. Н. Отделение Востока исторического факультета Московского университета // Исторический журнал, 1945, № 2.

3. ТУРКОЛОГИЯ И ЕЕ МЕСТО В АКАДЕМИЧЕСКОМ ВОСТОКОВЕДЕНИИ МОСКВЫ

Уже при создании Московского института востоковедения выявилась нехватка научных кадров востоковедов. Основная масса его преподавателей состояла из молодых начинающих ученых и специалистов-практиков¹. Туркологии больше, чем другим востоковедным дисциплинам, тогда повезло.

В 1918 г. в Москву вернулся В. А. Гордлевский, с апреля по декабрь 1917 г. работавший по распоряжению Временного правительства попечителем Оренбургского учебного округа (с центром в Уфе). Любопытно, что академик А. Н. Веселовский, с которым Гордлевский поддерживал дружескую переписку, сообщая в Уфу о московских событиях, писал, что их «привычная» преподавательская работа стала «несравненно лучше прежнего оплачиваема». А сама обстановка, «обезгидулянинная», как он выразился (имея в виду снятие с должности профессора церковного права В. П. Гидулянова, директора Лазаревского института предреволюционной поры, во многом способствовавшего тогдашнему упадку института), обещает «перспективу... возрождения»². Уже в 1918–1919 учебном году был объявлен курс «История османской литературы. Османский язык», который и стал вести В. А. Гордлевский³. Практические занятия по языку продолжал вести С. Г. Церуниан, об учебниках османского разговорного языка (1909 и 1924 гг.) которого академик А. Н. Кононов писал в 1974 г., что они «до сих пор не имеют себе равных»⁴.

Общевостоковедные кризисные явления, однако, сказались и на туркологии. Как констатировал в 1931 г. академик С. Ф. Ольденбург, «исследование современного Востока в ней почти отсутствует и очень слабо развито изучение экономики»⁵.

События турецкой истории тех лет, распад Османской империи, освободительное движение, борьба с Антантой, становление Турецкой республики требовали своего освещения, на что, однако, не решались специалисты-востоковеды старой школы. Этим занялась околонучная политическая журналистика.

В 1921 г. была создана Всероссийская (позже — Всесоюзная) научная ассоциация востоковедов (ВНАВ), куда вошли как ученые-востоковеды, так и лица, связанные с практической деятельностью в странах Востока. Состав ассоциации определил и характер издаваемого ею журнала «Новый Восток», где печатались как научные, так и научно-популярные статьи. Советская действительность требовала от востоковедения приобщения к марксизму, хотя и в самом марксизме и применении его методов к тогдашней восточной действительности⁶ было много вульгаризации, что и было отмечено позднее⁷. Тем не менее эта «лаборатория нового революционного востоковедения» способствовала появлению целой серии работ, пытавшихся по горячим следам осмыслить то, что происходило на Востоке. Для Турции это было национально-освободительное движение и появление новой кемалистской идеологии.

Профессора-востоковеды старой школы участвовали в работе Ассоциации, публиковали свои работы в «Новом Востоке». Активно обсуждалась, например, проблема создания новых тюркских алфавитов, в том числе и опыт Турции в этом направлении (см. статью А. Н. Самойловича). В. А. Гордлевский опубликовал свое исследование «Религиозные движения среди кызыл-башей Малой Азии». Гордлевский и Самойлович участвовали в Комиссии по обзору восточной прессы. Была создана также Комиссия по изучению Турции и Ирана в этнолого-лингвистическом отношении, одним из руководителей которой также был В. А. Гордлевский. Он много преподавал тогда в различных учреждениях и курсах Наркоминдела, Академии Генштаба и т. п., но главным образом лишь язык. Руководство ВНАВ, ценя знания старой профессуры, ожидало от нее прежде всего докладов о положении в странах Востока, составленных на основании восточной прессы и литературы⁸. Обобщающие же работы готовили теоретики, считавшие себя марксистами. По Турции были изданы книги: Павлович Мих. Революционная Турция (1921), Гурко-Кряжин В. А. Ближний Восток и державы (1925), Астахов Г. От султаната к демократической Турции. Очерки из истории кемализма (1926), Ирандуст (В. П. Осетров). Движущие силы кемалистской революции (1928) и др. Это были интересные работы, показывавшие отношение СССР к революционному движению на Востоке, довольно информативные, хотя авторы и не знали турецкого языка и пользовались сведениями из вторых рук. Во многом, как свидетельство своего времени, они сохранили значение и до сих пор. Востоковедными работами, однако, их назвать нельзя.

Теоретические дискуссии, организованные ВНАВ в конце 20-х годов, как бы подводили итог марксистского осмысления истории Востока за годы Советской власти. Обсуждались проблемы «азиатского способа производства», феодализма, «торгового капитала» и т. п.⁹ Страсти кипели нешуточные, научные столкновения приводили порой к организационно-репрессивным мерам, что делало ученых-востоковедов еще более осторожными в своих высказываниях и публикациях. Многие из них сознательно уходили в лингвистику, мелкотемье, отказывались от острых тем, могущих вывести на политическое поприще. Дискуссии шли среди тех, кто считал себя марксистами, но и в этой среде не было единства. Были взаимные обвинения и политические упреки в «псевдомарксизме, использовании неподходящих источников»¹⁰ и т. п. Все это не подкреплялось конкретным знанием Востока и, более того, подстегивалось левосектантскими настроениями в коммунистическом движении на Востоке и влиянием тех коммунистов Востока, которые находились в Москве и осмысливали события в своих странах в удобном для себя свете, а к концу 20-х годов, находясь уже в длительной эмиграции, фактически утратили связи со своими странами, но не приобрели зачастую и тех теоретико-образовательных знаний, которые позволяли бы им попытаться объективно оценить действительность¹¹.

ВНАВ не сумела противостоять всем этим влияниям. К тому же в 1928 г. умер ее первый председатель М. П. Павлович, пользовавшийся авторитетом среди ученых-востоковедов и умевший примирять страсти¹². В новых условиях ВНАВ могла стать лишь спокойным политическим клубом, что не нужно было ни властям, ни ученым. В 1930 г. она была упразднена.

Постепенно были ликвидированы и другие политизированные востоковедные центры — Научно-исследовательская группа по изучению стран Востока при Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), издававшая журнал «Революционный Восток», секция истории Востока в Обществе историков-марксистов (журнал «Историк-марксист»), Ассоциация марксистов-востоковедов при Коммунистической академии и т. п.¹³

В Ленинграде продолжали существовать востоковедные объединения академического типа. Это прежде всего Азиатский музей, который направлял главные усилия на пополнение своей коллекции востоковедных материалов (книг, рукописей, инкунабул, ксилографов и т. п.). В первое десятилетие после революции его фонды значительно пополнились (хотя и не было выписки периодических изданий и книг из-за границы). Существовали также Коллегия востоковедов

(с 1920 г.), являвшаяся для ученых объединяющим и защищающим органом, и Тюркологический кабинет, созданный в 1927 г. по инициативе В. В. Бартольда. Было принято специальное «Положение о Тюркологическом кабинете» и его Устав. Цель создания этого последнего научного учреждения определялась тем, что «тюркология имеет особое значение для нашего государства и нам необходимо готовить кадры для восточных республик». Кабинет занимался проблемами алфавитов и начал готовить к переизданию труд В. В. Радлова «Опыт словаря тюркских наречий».

Когда в 1927 г. был утвержден новый Устав АН СССР, началось укрупнение научных учреждений, ликвидация родственных подразделений. Упомянутые выше три востоковедных подразделения Ленинграда (Азиатский музей, Коллегия востоковедов, Тюркологический кабинет) и Институт буддистской культуры в 1930 г. были слиты в один Институт востоковедения¹⁴. При нем были созданы аспирантура и докторантура, что особенно важно, так как к этому времени явно обнаружился разрыв поколений. Оказалась нарушенной вся прежняя система подготовки научных кадров. Это явствует, например, из личного дела Анны Степановны Тверитиновой, хранящегося в Архиве Института востоковедения (Москва). Она училась в аспирантуре Восточного отделения историко-лингвистического факультета ЛГУ (название несколько раз менялось, но суть оставалась прежней — Восточный факультет). Аспиранты тогда не имели какого-либо индивидуального научного руководства, и аспирантская программа была перегружена лекциями и семинарами. В результате в 1935 г. из 30 аспирантов ни один не защитил диссертацию. Сама А. С. Тверитинова, впоследствии известный медиевист-тюрколог, сумела защитить диссертацию лишь в 1939 г. по теме «Восстание Кара-Языджи и Дели Хасана в Турции в конце XVI — начале XVII вв.», проработав до этого несколько лет в Институте востоковедения АН СССР, где прошла хорошую школу библиографической работы, обрабатывая старые и вновь поступавшие в Институт книги, составив сводный каталог турецкой исторической литературы в библиотеках Ленинграда и Москвы, получив навыки исследовательской работы и хорошо изучив историографию исследуемой темы¹⁵.

После перевода Академии наук в Москву (1934 г.) Институт востоковедения продолжал работать в Ленинграде, а в Москве востоковеды так и оставались не объединенными. Определенные организационные подвижки, однако, здесь тоже происходили. В 1930 г. в Московском институте востоковедения была организована аспирантура. Продолжал работать Сектор истории колониальных

и зависимых стран Института истории Академии наук. По туркологии там работал Н. А. Смирнов, занимающийся историей русско-турецких отношений, впоследствии профессор МГУ и первый директор Института восточных языков при МГУ (1956–1958).

В Москве проходили различные научные сессии, связанные с Востоком. Так в марте 1937 г. Отделение общественных наук АН провело сессию, посвященную столетию со дня рождения академика В. В. Радлова¹⁶.

Война изменила многое в жизни нашего народа и нашей страны, в том числе и в судьбах востоковедной науки.

Институт востоковедения АН СССР был эвакуирован из Ленинграда в Ташкент. Некоторые ученые, в том числе академики, переехали в Москву (одни временно, как, например, И. Ю. Крачковский, другие на постоянное жительство — Е. Э. Бертельс и др.). Как уже говорилось, в Московском университете на филологическом и историческом факультетах появились Восточные отделения. Открылся Отдел зарубежного Востока при Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина¹⁷.

Постановлением Президиума АН СССР от 28 декабря 1943 г. была оформлена Московская группа ИВ АН СССР. Ее первым председателем и фактическим организатором, собравшим воедино всех востоковедов, оказавшихся в Москве, стал И. Ю. Крачковский. Даже вернувшись в Ленинград, он продолжал свое сотрудничество с группой, имел в Москве аспирантов и докторантов, постоянно поддерживал московских коллег. На заседании Ученого совета ИВ АН СССР 6 марта 1946 г. он констатировал, что Московская группа «является учреждением с хорошим научным тонусом»¹⁸.

В 1950 г. на заседании Президиума АН СССР обсуждалось состояние работы в области востоковедения в институтах АН СССР и было принято решение о переводе Института востоковедения в Москву¹⁹.

Структура Института сложилась не сразу, было несколько реорганизаций, в том числе и неудачных, историю и экономику восточных стран то отделяли от языка и литературы, то снова сливали и т. п.

Признанным главой всех туркологов и арабистов Москвы постоянно оставался академик В. А. Гордлевский (избран действительным членом АН СССР 30 ноября 1946 г.). Этот последний турколог, прошедший школу старого востоковедения, тесно сотрудничал как с ленинградским востоковедением, печатаясь в «Записках Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР», «Советском востоковедении», Докладах и Известиях Академии наук СССР, так и, например, в «Новом Востоке», где помещал статьи о исламских сектах

и памятные заметки об ушедших востоковедах. Сделав много в области изучения языка, литературы, фольклора Турции, он обратился и к социально-экономической тематике, опубликовав ряд исследований об Османской империи в XVI в., истории цехов и водопользования в этом государстве и т. п. Его главный труд «Государство Сельджукидов Малой Азии» (1941) — очень глубокое исследование истории появления тюркского населения в Малой Азии, его государственного строительства, этнорелигиозных проблем того времени. Многие его размышления, формулировки, введенные в науку факты до сих пор остаются основой наших знаний о начальном периоде турецкой истории. Именно В. А. Гордлевский, патриарх московских востоковедов, заложил основу московской школы ближневосточного востоковедения. В нашей литературе уже не раз цитировали отзыв академиков И. Ю. Крачковского, В. В. Струве, В. М. Алексеева, С. А. Козина, данный этому московскому «могиканину» классического востоковедения в связи с его баллотировкой в академики. Однако хочется повторить из него несколько наиболее значимых формулировок: «В. А. Гордлевский — лучший в нашей стране знаток турецкого языка и культуры Турции, ученый с давно установившейся научной репутацией... Стремясь построить московское востоковедение на подлинно университетских началах, В. А. Гордлевский за долгие годы своей преподавательской деятельности в Москве явился создателем целой школы туркологов-османцев...»²⁰

Под термином «османцы» следует понимать не только занятие историей, литературой, языком Османской империи, канувшей в Лету в 1918 г. Имелся в виду весь бывший османский регион. Потому-то В. А. Гордлевский и объединял под своим руководством и туркологов, и арабистов. Однако и сам он, оценивая развитие востоковедной науки, отмечал, что «востоковедение... стоит на пути к дифференциации, к выделению филологии, истории, экономики Востока». Но, хотя теперь уже «немыслим тип средневекового востоковеда-энциклопедиста», «необходимым условием» для изучения стран Востока остается «знание восточного языка»²¹.

С турецким языком и его изучением тоже возникали проблемы. В 1928 г. в Турции отказались от использования арабского шрифта и перешли на латиницу. Арабский алфавит был явно неудобен для тюркских языков. Он не предполагает обязательного изображения на письме гласных звуков, что объясняется особой закономерностью их употребления в арабском языке. Тюркские же народы, даже в иностранных словах, обычно стремятся согласные разделить гласными. Тюркские тексты, написанные арабским шрифтом, порой

превращались в некие ребусы, которые читатель должен был уметь разгадывать. Некоторые слова можно было прочесть (в зависимости от подставленных гласных) по-разному, а потому возможно было и разное толкование смысла написанного. Отсюда сложности в обучении тюркскому письменному языку. Венгры, например, бывшие столетиями под османским владычеством, используют выражение «написано по-турецки (османски)» в том смысле, как у нас говорят: «китайская грамота». Введение латиницы упростило написание, сделало его фонетически более точным. Реформы алфавита прошли, как известно, и у тюркских народов СССР — вначале была использована латиница, затем кириллица, в настоящее время некоторые из этих народов снова перешли на латинский шрифт. Все эти проблемы очень болезненны для национальных культур, но, к сожалению, политические соображения национальных лидеров порой заставляли их забывать о культурных традициях. Для тюркского мира введение нового шрифта имело еще и то последствие, что большая фонетическая точность в письменной передаче языковых особенностей закрепляла и фонетические различия между тюркскими языками. Если раньше написанный арабским шрифтом текст мог быть понят представителями разных тюркских народов, хотя произносить его они могли по-разному, то теперь в понимании написанного на родственных языках появились дополнительные трудности.

Тюркская (и турецкая) молодежь быстро освоила грамотность на новой алфавитной основе. Арабский же шрифт оказался быстро забыт. Одна из авторов этой брошюры вспоминает, как в конце 50-х годов она сидела в рабочей комнате Сектора Турции и переводила какой-то османский текст. Пришел турецкий поэт Назым Хикмет, посмотрел на то, чем она занимается, и между ними состоялся такой разговор: «Ты это читаешь?» — «Пытаюсь» — «А я этих крючков совсем не понимаю». И это говорил человек, получавший образование в 20–30-е годы XX в. Современная турецкая молодежь, даже научная, на арабском шрифте почти не читает. Он знаком лишь специально подготовленным филологам и историкам.

Проблемы языка и шрифта возникали и у нас при подготовке специалистов-туркологов.

В. А. Гордлевский был приверженцем тех принципов, что нельзя забывать арабский шрифт, нельзя стать туркологом, не читая того, что написано до 1928 г. Послевоенная студенческая и аспирантская молодежь, желавшая изучать современную Турцию, протестовала. В их среде было много тех, кто пришел на студенческую скамью после фронта, в них не было большого почтения к авторитетам и свои

протестные настроения они высказывали прямо в глаза академику. Е. И. Маштакова, окончившая Ленинградский университет и поступившая в аспирантуру ИВ АН, чтобы заниматься турецкой литературой, вспоминает, как В. А. спрашивал ее, считает ли она, что туркологу надо знать арабский шрифт? Ее ответ «А как же иначе?» — очень обрадовал академика. Значит, и среди молодежи есть его единомышленники. Тем не менее и к тем, кто протестовал против его принципов и желал заниматься лишь современной Турцией, он был довольно снисходителен. И именно в бытность В. А. Гордлевского в его научное подразделение поступили люди, ставшие позднее экономистами и историками-туркологами, как и турецкая молодежь, не освоившими арабской графики. Правда, все они с дрожью в сердце вспоминали экзамены по языку и знаменитое выражение Гордлевского, произносимое в случае ошибки экзаменующегося, — «не слышу».

В XX в. Турция, как и ее алфавит и ее язык, очень менялась. В Турецкой республике, отстоявшей свою национальную независимость после Первой мировой войны и распада Османской империи, в 20–50-х годах XX в. начался период сознательного отстранения от османского прошлого. Не только сторонники Кемаля Ататюрка, строившие в стране новые социально-экономические, политические и культурные отношения и потому боровшиеся с пережитками османизма, но даже и религиозные и крайне националистические деятели того времени отвергали османское наследие, так как тогда, по их мнению, «длительный симбиоз с арабскими и балканскими народами осквернял чистые купели турецкой национальной культуры»²². Такие настроения не могли не сказаться и на языке новой Турции. Арабская и персидская лексика, широко использовавшаяся в деловом и литературном языке османского времени, стала заменяться словами тюркского происхождения. Этот исторически закономерный процесс, спонтанно начавшийся еще раньше, примерно со второй половины XVII в., был ускорен соответствующей языковой государственной политикой, в которой были задействованы школа и вся культурная элита страны²³. В газетах печатались подготавливаемые Турецким лингвистическим обществом (Türk Dil Kurumu), созданным и на первых порах патронируемым лично М. К. Ататюрком, списки слов, которые предлагалось исключить из употребления, и их новые эквиваленты. Очевидно, этот процесс отвечал потребностям общества, так как имел успех. Даже если сопоставить современный словарный состав турецкого языка с языком 50–60-х годов XX в., то увидим большие изменения. Не говоря уже о языке первой половины этого века. В современной Турции идут разговоры о том, что речи вождя

Турецкой республики Мустафы Кемалья Ататюрка (1881–1938) необходимо переводить на современный язык, так как они непонятны современной молодежи. Для нее и многие стихи крупнейшего турецкого поэта грани XIX–XX вв. Тевфика Фикрета (т. е. такого же удаления, как от нас А. Блок) кажутся непонятными и устаревшими, а турецкий писатель Самим Коджагёз свои произведения, написанные в 40-х годах XX в., в 70-е годы сам переписывал уже новым турецким языком, так как новые молодые читатели их не понимали. Сотрудники Сектора Турции, ездившие в Турцию в 1992 г. в связи с научной конференцией, посвященной 500-летию установления межгосударственных русско-турецких отношений, оказались свидетелями следующего факта. Шел синхронный перевод докладов. Выступал профессор Х. Иналджик, крупнейший специалист по османской истории, патриарх османистики. Он начал свою научную деятельность в 40-е годы XX в. в Турции, а в 60–80-х гг. работал в США, т. е. на какое-то время был оторван от турецкой языковой среды. Очевидно, это и то, что доклад был исторический и требовал определенной архаичной терминологии, привели к тому, что во время доклада произошел такой казус. Молодая переводчица-турчанка вдруг закричала прямо в микрофон, что не понимает его. Переводческий сервис был организован хорошо, ее быстро заменили переводчиком более старшего возраста, но факт сам по себе знаменателен. Язык очень изменился.

До второй половины 50-х годов советская туркология развивалась за «железным занавесом», или, как говорил в уже цитируемой статье В. А. Гордлевский, изучение было «оторвано от почвы», «заглазно». Слухи об изменениях в языке доходили, но это были действительно лишь слухи. В 1958 г. туркологи впервые получили возможность поехать в Турцию в туристическую поездку. После нее К. М. Любимов, лингвист, специалист в своей области, работавший в Турции в середине 30-х годов, сумевший даже за двухнедельное пребывание в стране собрать определенный словарный материал, впервые написал о новой языковой обстановке в стране. Туркологам во многом пришлось переучиваться и доучиваться.

Для турецкого народа и турецкой интеллигенции и сейчас еще остро стоит проблема сохранения собственного культурного наследия. Это хорошо чувствует, в частности, Турецкое историческое общество (Türk Tarih Kurumu), издающее и переиздающее многие османские источники, старые исторические и литературные сочинения параллельно на арабской и латинской графике. Современные изменения в турецком языке, где новые слова создавались, как правило, на основе общетюркских корней, в какой-то мере приблизили этот язык

к другим тюркским языкам, но язык османского времени с его арабо-персидским словарным составом и арабским алфавитом стал непонятен всем. Для современного турка османский — это иной язык, для работы с которым ему требуется специальная подготовка. Это ставит проблемы и перед туркологами-османистами в нашей стране, у нас нет молодой смены.

Последний прием студентов на Восточное отделение исторического факультета МГУ (он же оказался первым выпуском для Института восточных языков) в 1954–1955 гг. был ознаменован тем, что впервые студенты были приняты на арабо-турецкое отделение. Как вспоминал студент этого набора М. С. Мейер, приглашавший их на это отделение Н. А. Смирнов говорил им, что с такой подготовкой они могут стать новыми Бартольдами. К сожалению, этот опыт не был развит дальше. М. С. Мейер, в настоящее время директор Института стран Азии и Африки при МГУ и наш современный ведущий османист²⁴, ставил одно время вопрос о том, что следует начинать изучение турецкого языка с османского и лишь после освоения арабской графики переходить к современному языку. Это предложение, однако, не было принято. В ИСАА османский язык преподается, но лишь как ознакомительный курс. Студенты его знают слабо, да и не очень он их интересует, так как основная их масса не стремится в науку. Пока это неперспективная отрасль деятельности. Она ждет лишь энтузиастов. Надеемся на их появление. К тому же Э. А. Груниной издан замечательный учебник османского языка²⁵, и у нее появились первые энтузиасты-ученики, пока, к сожалению, не из России, а с Украины (А. Голенко и И. Дрига).

Уход из жизни В. А. Гордлевского совпал с большими переменами в советском востоковедении и соответственно в Институте востоковедения АН СССР. 7 сентября 1956 г. Президиум АН СССР принял постановление «О задачах и структуре Института востоковедения АН СССР»²⁶. Постановление явилось следствием критики Института, прозвучавшей на XX съезде КПСС, и специального решения ЦК КПСС о необходимости развития востоковедения. Был назначен новый директор Института — Б. Г. Гафуров, являвшийся тогда членом ЦК КПСС. Институту была предоставлена возможность пополнить свои ряды новыми молодыми кадрами и вобрать в себя востоковедные кадры, рассыпанные по разным учреждениям и ведомствам²⁷.

Была принята новая структура Института, которая предусматривала существование отдельного Сектора Турции. Его заведующим стал ученик В. А. Гордлевского А. М. Шамсутдинов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Из истории советского востоковедения. М., 1970, с. 15.
- 2 Цит. по публикации: в «Становление советского востоковедения». М., 1983, с. 187–188.
- 3 Там же, с. 190.
- 4 Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. М., 1974, с. 287.
- 5 Ольденбург С. Ф. Восток и Запад в советских условиях // АН СССР. Доклады на Чрезвычайной сессии в Москве. 21–27 июня 1931. М.–Л., 1931, с. 3–4. То же. Становление советского востоковедения, с. 180.
- 6 Подробнее о деятельности ВНАВ см.: Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Всесоюзная ассоциация востоковедения. 1921–1930 (К 60-летию со дня основания) // Становление советского востоковедения. М., 1983, с. 131–163; там же: Устав ВНАВ, с. 168–173.
- 7 Гурко-Кряжин В. 10 лет востоковедной мысли // Новый Восток, 1927, № 15, с. XV.
- 8 Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Всесоюзная научная ассоциация востоковедов, с. 142.
- 9 См.: Никифоров В. Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970, с. 17–240.
- 10 Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Всесоюзная научная ассоциация востоковедения, с. 159.
- 11 Там же, с. 156–157; Агаев С. Л. Советское востоковедение 20-х годов. М., 1977; Гордлевский В. А. Московское востоковедение после Октября. Избранные сочинения, т. IV. М., 1968, с. 348.
- 12 См.: Памяти М. П. Павловича (Вельтмана). Сборник статей. М., 1928; Ольденбург С. Ф. Памяти М.П. Павловича // Новый Восток, 1927, № 18.
- 13 Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Из истории советского востоковедения. 1917–1967, с. 31–34; Гордлевский В. А. Московское востоковедение после Октября, с. 338–339.
- 14 Там же, с. 46–66; Бертельс Д. Е. Введение — Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
- 15 Архив Института востоковедения РАН.
- 16 Самойлович А. Н. Памяти великого тюрколога академика В. В. Радлова (к 100-летию со дня рождения: 1837–1937) // Революция и национальность, 1937, № 2, с. 79–81.
- 17 Луцкая Н. Отдел зарубежного Востока Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина // Вопросы истории, 1949, № 4.
- 18 Подробнее о Московской группе см.: Кузнецова Н. А., Кулагина Л. М. Из истории советского востоковедения, с. 114–119.
- 19 См.: Вестник АН СССР, 1950, № 9.

- 20 Цит. по: Базиянц А. П. Владимир Александрович Гордлевский. М., 1979, с. 28.
- 21 Гордлевский В. А. Московское востоковедение после Октября, с. 346.
- 22 *The Ottoman State and its Place in World History*. Leiden, 1974, с. 13.
- 23 См.: Levend A. S. *Türk Dilinde Gelişme ve Sadeleşme Sathaları*. Türk Dil Kurumu. Ankara, 1949.
- 24 См.: Слово о М. С. Мейере // *Turcica et ottomanica*. Сборник статей в честь 70-летия М. С. Мейера. М., 2006, с. 3–4.
- 25 Грунина Э. А. Учебное пособие по османо-турецкому языку. М., 1988.
- 26 См.: Вестник АН СССР, 1956, № 1, с. 104–105.
- 27 См.: В Институте востоковедения // Вопросы истории. 1957, № 3, с. 196–201.

4. СЕКТОР ТУРЦИИ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

Институт востоковедения АН СССР, получив в 1956 г. новые возможности для своего развития, продолжал, однако, неоднократно менять свою структуру. Эти изменения не всегда бывали вызваны интересами научных исследований. Порой они порождались амбициями отдельных ученых или идеологическими установками так называемых директивных органов (ЦК КПСС, МИД, КГБ и т. п.). При всем при этом принцип страноведческих научных подразделений все-таки оставался основополагающим. Для Института главным продолжало быть изучение Востока, а не только идеологическое обслуживание политики советского государства, к чему не раз его пытались свести упомянутые выше директивные органы. Вместе с тем отношения СССР с той или иной страной не могли не сказываться на тональности некоторых научных работ, хотя ученые и пытались с этим бороться. Вспоминается выступление на институтском собрании заведующего Отделом Китая Л. П. Делюсина, который сетовал, что в ЦК на его предложение больше внимания уделять изучению учения Мао Цзэдуна, было заявлено: маоцзэдунизм надо не изучать, а разоблачать. К сожалению, некоторые работники этого учреждения даже не понимали всей нелепости подобных заявлений.

Туркология пережила опасность быть вовлеченной в такие «разоблачения» в 40-е годы XX в. сразу после окончания войны. Тогда в нашей публицистике прошла серия статей типа: «Турция — вотчина Уолл-стрита», «Вассал американского империализма» и т. п. Грузинские историки попытались в печати выступить с территориальными претензиями к Турции. Рецидивы этого иногда встречались и позже. Так еще в начале перестроечного времени в прессе вдруг появилась статья армянской художницы С. Вермишевой «Опять турка гадит». Однако подобная риторика не утвердилась даже в СМИ. К счастью для нашей науки, такие резкие выпады прекратились уже к началу 50-х годов. Отношение к Турции сменилось на хотя и негативное, но спокойное. Это позволило советским туркологам также спокойно заниматься своим делом.

Общий настрой Сектора создавал его заведующий А. М. Шамсутдинов. Его уравновешенность, доброжелательность, какая-то восточная мудрость, принципы, порожденные как его собственной природой, так и той хорошей востоковедной школой, которую он прошел в Московском институте востоковедения, позволили ему выполнять свои обязанности, не идя на крайности, которые порой требовались тогда начальством и общими установками в стране.

Он мог спокойно, не идя на какие-то конфликты с руководством Института, следовать своим представлениям о путях и задачах развития туркологии. Так он считал, что в Секторе Турции должны работать лишь люди, получившие востоковедное образование. Среди аспирантов Сектора бывали и не туркологи по образованию. Они защищали свои диссертации, опираясь на изучение, например, международной статистики или каких-то европейских источников и т. п. Представленные к защите работы бывали и интересными и вполне приличными, как говорят, диссертательными, но авторов таких работ, хотя они и касались Турции, А. М. Шамсутдинов никогда не брал в штат Сектора. Причем об этом он предупреждал заранее, уже при принятии их в аспирантуру. Он твердо следовал той установке, что в страноведческом Секторе должны работать лишь специалисты-востоковеды, хотя администрация Института довольно часто шла навстречу неким лицам, занимавшимся ранее какой-то практической деятельностью в странах Востока, экономическими связями, журналистикой и т. п., но не имевшим необходимой языковой подготовки. В штат Института принимались отслужившие, а порой и проштрафившиеся работники «директивных органов». В Секторе Турции таких людей не было. В нем работали лишь туркологи.

Не приживались в нем и люди, склонные к излишнему политизированию. Сектор отвечал на «злобу дня», но без журналистской хлесткости и разоблачительного апломба. Выпускались работы и проводились конференции, посвященные турецким революциям, роли Ленина в установлении отношений между СССР и Турецкой республикой, левому и рабочему движению в Турции. Это отвечало запросам сверху, но не переходило рамок научной объективности.

В Секторе не было конкуренции. Царил настрой, что нас, специалистов, очень немного, а предмет наших интересов — история, экономика, культура Турции, столь обширен, что работы хватит на всех. Газеты, книги, поступающие из Турции, были в большом дефиците, так что книгообмен и просто обмен сведениями о том, что происходит в стране, всегда был в Секторе в порядке вещей. А если кто-то из аспирантов или специалистов других учебных или научных учреждений

заходил речь о том, что его интересует такая-то тема, не работает ли еще кто-то в этом же направлении, ему приводили следующий пример. В 1960 г. в Издательстве восточной литературы были одновременно выпущены две книги: П. П. Моисеева «Аграрные отношения в современной Турции» и ленинградского профессора А. Д. Новичева «Крестьянство Турции». Казалось бы, две книги на одну и ту же тему, а между тем работы оказались совершенно разными. Они не противоречили друг другу, а своим материалом и выводами как бы дополняли, углубляли тот вопрос, который исследовали. Потому-то туркологии никогда не боялись соперничества.

Научные споры бывали. Так в начале 50-х годов Ю. Н. Розалиев готовил работу о промышленности Турции. Человеком он был увлекающимся, пытавшимся не только собрать статистический материал, но и осмыслить его в плане оценки уровня развития страны, степени ее капитализации. Обратив внимание на появление в Турции первых холдингов, он заговорил о монопольных объединениях в турецкой промышленности. Сейчас это покажется странным, но тогда в советской экономической науке слова «монополия», «монополистическая стадия развития капитализма» воспринимались как империализм, т. е., в ленинском понимании, как высшая стадия капитализма. Розалиевская терминология в этой связи рядом коллег была понята как неоправданное возвышение отсталой Турции до уровня передовых капиталистических держав. Эти возражения стоили Ю. Н. Розалиеву больших нервных переживаний. Теоретические споры в советское время всегда бывали опасными. В данном случае, однако, автору удалось, сохранив свою точку зрения, опубликовать итоги своих размышлений и даже защитить на их базе докторскую диссертацию. А. М. Шамсутдинов выступил официальным оппонентом на этой защите. Он не был сторонником увлечения Ю. Н. Розалиева, но отдавал должное его искренности и научной добросовестности. Человек увидел новое явление в жизни Турции, собрал материал о нем, возможно, несколько преувеличил его значение, поспешил с выводами. А. М. Шамсутдинов поддержал своего сотрудника, не реагируя на попытки подвести его выводы под категорию вульгаризации марксистской теории. Сохранил в профессии специалиста, еще несколько десятилетий продолжавшего работать. По причинам личного характера Ю. Н. Розалиев в 1972 г. перешел на работу в другой академический Институт, хотя продолжал вести исследования в области туркологии. Он издал специальную работу «Экономическая история Турецкой республики» (1980), а также был редактором ряда сборников под названием «Экономическая история»,

имевших различные подзаголовки. Среди них том с подзаголовком «Реформы и реформаторы» (1995), где сотрудничали сотрудники Института востоковедения.

Были, правда, и иные примеры. Так Сектор не поддержал выдвижения на защиту в качестве диссертации на соискание степени доктора исторических наук книги И. Л. Фадеевой «Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм-панисламизм) XIX — начало XX в.» (1985). Было отмечено, что работа обширная, информативная, написана на большом материале, извлеченном из европейской и турецкой исторической литературы, привлечены некоторые источники из русских архивных материалов. Все это позволило автору подготовить книгу интересную и полезную широкому читателю. Однако ее нельзя рассматривать как исследование высшего, докторского уровня. В книге официальные доктрины Османской империи рассматриваются без использования официальных османских источников. В списке источников отсутствуют даже «Дюстюр» — сборник османских законодательных актов, протоколы меджлиса и т. п. Это те материалы, которые есть в наших библиотеках и широко использованы исследователями других проблем того же периода (например, Ю. А. Петросьяном в его исследовании «Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX вв.)» (1971)). И. Л. Фадеевой было предложено дополнить ее книгу необходимыми для диссертации такого уровня исследовательскими моментами. Ирма Львовна, однако, встала в позу обиженной, отказалась от каких-либо переделок и дополнений и порвала какие-либо связи с Сектором. Диссертацию она защитила. Сектор не пошел на конфликт, но неприятный осадок в душе его сотрудников остался. К сожалению, и в научной среде беспардонная напористость, бывает, побеждает стремление к научной добросовестности и самостоятельному познанию истины. Но это уже события тех лет, когда А. М. Шамсутдинов перестал руководить Сектором и его научный авторитет не мог помочь поставить на место человека, не понимающего, что для исследователя цель его работы состоит не в быстром карьерном росте (поднятии по защитным степеням), а в обоснованности выводов и кропотливом сборе материалов. Хотелось бы надеяться, что для Ирмы Львовны Фадеевой ее конфликт с Сектором был положительным уроком, воспринятым ею в дальнейшей работе. Пока же знание официальных доктрин в Османской империи остается темой актуальной, имеющей влияние на современную идеологическую ситуацию в Турции, но все еще серьезно не продуманной в нашей историографии.

В формировании состава Сектора А. М. Шамсутдинов исходил не столько из установок сверху, а, прежде всего, из интересов дела. Так, например, несмотря на официально подчеркиваемую общую направленность Института на изучении прежде всего современного состояния стран зарубежного Востока, он в 1958 г. взял на работу студентку, стремящуюся изучать османскую историю, и никогда не препятствовал этим ее штудиям.

Постепенно в Секторе объединились почти все туркологические кадры Института и Москвы — историки, экономисты, лингвисты и литературоведы.

В Секторе начали работать бывшие сотрудники, преподаватели, аспиранты Института востоковедения (МИВ), закрытого в 1954 г. Это Н. А. Айзенштейн, М. А. Керимов, Р. П. Корниенко, Х. К. и А. А. Кямилевы, П. П. Моисеев. Вернулась после работы в Средней Азии Е. И. Маштакова. Активно стали проявлять себя недавние аспиранты ИВ АН А. А. Бабаев, Л. О. Алькаева, Ю. Н. Розалиев, выпустившие уже в 50-е годы свои первые монографические труды. В 1958–1961 гг. в качестве научно-технических сотрудников или аспирантов пришли в Сектор В. И. Данилов, С. Ф. Орешкова, Г. И. Старченков, Е. И. Уразова. Из Ленинграда переехала в Москву Ю. А. Ли. С 1958 г. вначале как хранитель библиотеки В. А. Гордлевского, переданной в дар Институту его вдовой Варварой Александровной, а затем как научный сотрудник начал работать в Секторе Н. Г. Киреев. Из Издательства восточной литературы (существует при Институте с 1957 г.) перешел в Сектор М. А. Гасратян. Из Министерства просвещения пришел работать в Сектор А. П. Базиянц.

Это пополнение к туркологам, работавшим еще в Московской группе востоковедов — А. М. Валуйскому, Л. А. Орнатской, Б. М. Поцхверия, А. К. Сверчевской, сделало Сектор Турции полноценной научной единицей.

Из первоначального состава Сектора рано ушли из жизни А. М. Валуйский, готовивший работу о Младотурецкой революции (подготовленный автором материал хранится в Архиве Института востоковедения РАН), и ярко начавший свою туркологическую деятельность М. А. Керимов. Мустафа Аббасалиевич Керимов трагически погиб, возвращаясь после командировки в Турцию (20.09.1960), где он работал переводчиком Советского павильона на Измирской международной выставке. Эта выставка была тогда единственной возможностью для советских туркологов попасть в страну изучения. Самолет, на котором возвращалась из Измира советская делегация, летел из Вены и принадлежал австрийской авиационной компании

(прямого рейса из Стамбула в Москву тогда не было). Он разбился в районе аэропорта Внуково. Чудом оставшийся в живых еще один наш коллега, ленинградец А. Д. Желтяков, также летевший этим рейсом, рассказывал, что перед посадкой летчики объявили: Москва из-за густого тумана самолет не принимает и предлагает посадку в другом аэропорту Советского Союза. Они (летчики) летали на Москву в 1941 г. Они берутся и теперь успешно завершить полет посадкой на московском аэродроме. Пассажиры лайнера в ответ зааплодировали. Эта самоуверенность, однако, завершилась трагически, самолет столкнулся с линией электропередач, загорелся, разломился на две половины и рухнул на землю. Спаслось лишь 5 человек, сидевших в месте разлома. М. А. Керимов был талантливым переводчиком, автором ряда работ о турецко-закавказских отношениях в 20-е годы XX в., государственном строе Турции. Он начал готовить монографию «Очерки новейшей истории Турции».

Охват проблем, над которыми работали сотрудники Сектора, его кадровый состав, подчиненность тем или иным вышестоящим подразделениям менялись, но сам Сектор продолжает существовать уже более 50 лет.

Еще в 1957 г. в Институте был создан Отдел языков народов Востока. В связи с этим от Сектора откололись лингвисты (К. М. Любимов, А. А. Кямилаева), обретя свой Сектор тюркомонгольских языков и языков Дальнего Востока. С 1961 г. они и присоединившиеся к ним некоторые другие лингвисты, пришедшие в Институт позже (А. Н. Баскаков, Н. П. Голубева, Ф. А. Салимзянова, Л. Н. Старостов, Р. Р. Юсипова), работали над составлением Большого русско-турецкого словаря (1977).

В 1961 г. появился Отдел литературы и публикации памятников письменности народов Востока, куда перешли тюркологилитературоведы: Н. А. Айзенштейн, Л. О. Алькаева, Е. И. Маштакова, Х. К. Кямилев, С. Н. Утургаури, тогда только завершившая курс аспирантуры, в которую она поступила еще в Секторе Турции. Позднее там работала выпускница Восточного факультета Ленинградского университета М. М. Репенкова и закончивший Бакинский университет Т. А. Меликов. Сектором публикации памятников письменности Востока в этом Отделе стала руководить А. С. Тверитинова. После перевода Института востоковедения из Ленинграда она переехала в Москву, перевезя часть книжного фонда института. В Москве до 1959 г. заведовала библиотекой Института, продолжая заниматься изучением средневековой истории Турции. В 1973 г. Отдел памятников письменности народов Востока был выделен в самостоятельное

научное подразделение, в котором А. С. Тверитинова стала заведовать Сектором памятников тюрко-монгольской письменности. Кроме ее личных исследований и публикаций источников, большой заслугой А. С. Тверитиновой явилось издание трехтомной серии «Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы» (1964–1973), ставшей результатом международного сотрудничества востоковедов СССР и стран Восточной Европы. В Секторе публикации работали также последняя аспирантка В. А. Гордлевского Ф. А. Салимзянова, а позднее и выпускник Института восточных языков при МГУ Д. Д. Васильев.

Кроме больших отделов в институте время от времени создавались и самостоятельные рабочие группы — по вопросам рабочего движения, аграрно-крестьянской проблематике, финансовым вопросам, международным отношениям и др. Некоторые из них прекращали свое существование, другие разрастались до больших отделов. Так в настоящее время существует Отдел комплексных проблем международных отношений, где работает тюрколог И. И. Иванова. Выделен как самостоятельное научное подразделение Отдел истории Востока. Его создателем был известный арабист Н. А. Иванов, а в настоящее время возглавляет тюрколог Д. Д. Васильев. В нем работают тюркологи В. И. Шеремет и Ю. А. Аверьянов.

Происходившие в институте структурные изменения, дробления, слияния и т. п. заставляли сотрудников Сектора порой переходить во вновь созданные научные подразделения или, по крайней мере, сотрудничать с ними. Сектор Турции оставался, однако, для всех тюркологов неким объединяющим центром. На его базе шли обсуждения и дискуссии, организовывались тюркологические конференции. Он встречал гостей из других стран и республик. Принимал стажеров, аспирантов и докторантов, приезжавших из Армении, Грузии, Азербайджана, Туркмении, Казахстана, Украины, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Польши, ГДР. Бывали гости из Турции, причем не только с кратковременными визитами. Так Т. Атайёв работал в Секторе два года, Мехмед Тогаچار и Элиф Кылычбейли окончили у нас аспирантуру и защитили кандидатские диссертации.

Тюркологические центры были в советское время в Азербайджане, Грузии, Армении, несколько человек работали на Украине. К сожалению, подготовка в Московском институте востоковедения кадров для других республик не привела к складыванию там каких-либо тюркологических групп. Защитив диссертации в Москве, аспиранты в лучшем случае преподавали историю Востока в пединститутах и университетах, но чаще уходили на какие-либо административные должности.

Даже в Армении и Грузии, где сложились свои школы туркологии, османская история рассматривалась не сама по себе, а лишь как часть собственной национальной истории этих республик, что определяло и тематическую направленность исследований. Более широкое изучение Турции осуществлялось в Бакинском Институте востоковедения, где работали специалисты по экономике, идеологии современной Турции, более разнообразным был и охват исторической проблематики. Все эти центры поддерживали и официальные, межинститутские контакты с Сектором Турции и личные с его сотрудниками. Проводились регулярные конференции как в столицах этих республик, так и в Москве. В 70-е годы активно пытался объединить туркологов Ю. А. Петросян, бывший тогда руководителем Ленинградского отделения Института востоковедения. Ленинградские туркологические конференции с их широкой научной проблематикой пользовались большой популярностью среди специалистов всего Союза. К сожалению, большинство выступлений на этих конференциях не публиковались даже в виде тезисов. В «Туркологических сборниках» помещались лишь материалы по историко-культурной проблематике. Это было связано с общей направленностью, предписанной тогда Ленинградскому отделению института. Публиковались также материалы по истории тюркологии. Работая по этой последней проблематике, наши ленинградские коллеги во главе с академиком А. Н. Кононовым сумели создать уникальный справочник «Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период» (1974). Ленинградские же туркологи явились инициаторами создания «Биобиблиографии Турции», выявившей все работы, касающиеся Турции, издававшиеся в нашей стране начиная с 1713 г. Начал эту работу Т. П. Черман, затем ее продолжила сотрудница Сектора Турции А. К. Сверчевская, которая довела собранные материалы до издания (1959, 1961). Позднее А. К. Сверчевская дополнила это издание библиографией советских работ по Турции (1974).

С конца 70-х годов Ленинградское отделение перестало созывать тюркологические конференции, хотя «Туркологический сборник» оставался открытым для публикаций работ по историко-культурной проблематике, принадлежащих перу не только ленинградских (санкт-петербургских) авторов.

В настоящее время Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения получил статус самостоятельного Института восточных рукописей. Коллекция турецких рукописей, сохраняющихся в Санкт-Петербурге, интересна, содержит ряд редких и даже уникальных сочинений. Ее описание было выполнено в 60–70-е гг. XX в.

Л. В. Дмитриевой, А. М. Мугиновым, С. Н. Муратовым. В Институте продолжают работать наши коллеги А. В. Витол и И. Е. Петросян.

Восточный факультет Санкт-Петербургского университета традиционно проводит раз в два года (по нечетным годам) конференции по историографии стран Востока. На этих востоковедных форумах, которые в последние годы стали считаться международными, регулярно работает турецкая секция. Ее организаторами были питерские профессора А. Д. Желтяков, С. М. Иванов, А. Д. Новичев. В настоящее время ею руководят А. М. Фарзалиев, К. А. Жуков.

Поддерживая тесные контакты со всеми туркологами и туркологическими центрами Советского Союза, Сектор Турции московского Института востоковедения стал средоточием научных кадров, исследующих историю и экономику Турции.

А. М. Шамсутдинов ушел с поста заведующего Сектором Турции в 1979 г. Уход этот был связан с назначением в институт нового директора Е. М. Примакова и его попыткой в первые годы своего директорства омолодить руководящие кадры института. Характеризуя Сектор новой дирекции, А. М. Шамсутдинов сказал: сектор сильный, любой из его сотрудников может быть заведующим.

После Абдуллы Мардановича сектором руководили В. И. Данилов, затем Н. Г. Киреев. И тот и другой интересные исследователи, увлеченные своей научной работой. Административная должность давала им возможность удовлетворить какие-то карьерные амбиции, но не была делом их жизни. В 1999 г. Н. Г. Киреев сам просил дирекцию освободить его от административной работы. Коллектив Сектора единодушно выдвинул на должность заведующего Н. Ю. Ульченко. Ученый совет института утвердил эту кандидатуру. Наталия Юрьевна Ульченко в тот момент была самым молодым сотрудником Сектора. Время было тяжелое (перестроечное, только что произошел дефолт 1998 г.). Научная работа очень плохо оплачивалась. Многие молодые сотрудники и аспиранты (в том числе и из Сектора Турции) уходили из науки, так как зарплата научного сотрудника (которая к тому же давалась нерегулярно) не обеспечивала даже прожиточного минимума, не говоря уж о том, чтобы иметь возможность содержать семью. Немного поддерживала преподавательская деятельность, за которую многие сотрудники института хватались как за палочку-выручалочку. Преподавали в двух-трех местах (причем иногда даже не только в вузах, но и в средних учебных заведениях). Наука разваливалась на глазах. В Секторе Турции все сотрудники достигли к тому времени пенсионного возраста. Причем та мизерная пенсия, которая тогда платилась государством, была примерно равна зарплате

старшего научного сотрудника института. Коллективом Сектора перед Наталией Юрьевной был поставлен вопрос, возьмется ли она возглавить Сектор. В условиях тогдашнего развала академической науки это была не почетная должность, а дополнительная (плохо оплачиваемая) работа. Она требовала энтузиазма, больших хлопот и заботы о престарелых, не всегда ориентирующихся в происходящих событиях, но активно продолжавших работать в своей отрасли науки сотрудниками Сектора. Не сразу, после уговоров коллег, понимавших, что она — единственный кандидат, способный сохранить традиции Сектора и организовать его работу в то непростое время, Наталия Юрьевна Ульченко согласилась возглавить наш научный коллектив. Сотрудники Сектора Турции с удовлетворением констатируют, что они не ошиблись в выборе. У нас энергичный заведующий, способствующий спокойному деловому настрою в Секторе, активно помогающий сотрудникам в публикации их работ, спланировавших туркологов в единый научный коллектив. К тому же Н. Ю. Ульченко продолжает преподавательскую деятельность в ИСАА при МГУ, в Институте практического востоковедения, в Российском государственном гуманитарном университете, где читает курс экономики и экономгеографии Турции. Благодаря ее стараниям в Секторе появились новые аспиранты и молодые сотрудники, которые, как мы надеемся, проявят себя на научном поприще. К сожалению, молодая поросль туркологов только начинает появляться. Наука хотя, как представляется, вышла из кризиса 90-х годов, но все еще продолжает оставаться для молодежи малопривлекательным полем деятельности. Нужны энтузиасты, а они появляются нечасто.

В настоящее время в Секторе Турции Института востоковедения РАН работают туркологи — Н. Г. Киреев, С. Ф. Орешкова, Б. М. Поцхверия, Н. Ю. Ульченко и Е. И. Уразова.

Сектор продолжает традиционно в декабре каждого года проводить рабочие совещания, где анализируются события политической, экономической и культурной жизни Турции в истекшем году. Приглашаются и как слушатели, и как выступающие все интересующиеся Турцией вузовские преподаватели и работники практических организаций.

Будучи составной частью Отдела стран Ближнего и Среднего Востока (заведующий В. Я. Белокреницкий), Сектор Турции активно участвует во всех проводимых Отделом обсуждениях и дискуссиях по проблемам регионального развития.

Сотрудники Сектора пытаются откликаться на все научные мероприятия, где туркологический материал может внести свой

вклад в обсуждение проблем истории, экономического развития и культурно-религиозных взаимоотношений.

Поддерживаются связи с коллегами в Санкт-Петербурге, Казани (где начинает складываться своя школа туркологии), с начинающими работать с турецкими источниками историками республик Предкавказья. Более тесные, чем когда-либо в советское время, контакты поддерживаются с научными организациями Турецкой Республики. Спонсорскую поддержку при издании работ Сектору Турции оказывает «Союз российских и турецких бизнесменов» (RTIB). Заинтересованное внимание к деятельности российских туркологов проявляет Посольство Турецкой Республики в Москве. В 2003 г. впервые был издан совместный сборник статей специалистов из обеих стран «Русско-турецкие отношения, современное состояние и перспективы» (на русском и турецком языках) под редакцией Г. Казган и Н. Ю. Ульченко.

5. А. М. ШАМСУТДИНОВ — ПЕРВЫЙ ЗАВЕДУЮЩИЙ СЕКТОРОМ ТУРЦИИ

Абдулла Марданович Шамсутдинов (1907–1998) — крупный ученый, один из организаторов востоковедной науки в советское время, внесший большой вклад в развитие отечественной туркологии. Более двадцати лет он руководил Сектором Турции Института востоковедения Академии наук, ведущего востоковедного центра в Советском Союзе. Его перу принадлежат десятки фундаментальных исследований по истории Турции. Он писал о становлении ее государственности, кемализме, национально-освободительном движении и о более широких проблемах приобщения исламского общества к современной цивилизации.

Мы помним его как эрудированного ученого, авторитетного руководителя, пользовавшегося заслуженным уважением в научных кругах в нашей стране и за рубежом, как прекрасного человека, чуткого и внимательного, порой ироничного, но всегда доброжелательного, последовательно и твердо отстаивавшего свои научные взгляды, но в то же время умевшего внести спокойствие и мудрую рациональность в любую научную дискуссию, житейский спор, а порою и в политические дразги, которыми было богато советское время. Мудрость, спокойствие и рассудительность, которые исходили от этого человека, как и его научная эрудиция, явились результатом нелегкого жизненного пути Абдуллы Мардановича Шамсутдинова. Всегда не так просто выбиться из народных низов к научным высотам, но здесь еще сказалось и то непростое время, в котором довелось жить этому ученому.

А. М. Шамсутдинов (как он сам указывал в своих анкетах) родился 12 (25) сентября 1907 г. в деревне Бураево Бирского кантона Уфимской губернии (сейчас Буравский район Уфимской области Башкирии). Он рос младшим в семье, где были еще брат и три сестры. Отец, помимо крестьянского хозяйства, занимался мелкой торговлей, ходил по деревням с лотком. Он рано умер, в 1911 г., после чего семья стала беднячкой.

Начальное образование Абдулла получил в медресе при местной мечети. Об этом он позднее в анкетах не писал, но в устных беседах в зрелые годы рассказывал. Знания, полученные в медресе, пригодились ему как востоковеду.

В детстве и ранней юности ему пришлось пережить трудности, голод и лишения времен революции и Гражданской войны, когда район Поволжья подвергался особенно тяжким испытаниям.

В 1920 г. (т. е. в 12–13 лет), как сын бедняка, он был вовлечен в одну из первых в районе комсомольских ячеек. Абдулла Марданович вспоминал впоследствии, что первым комсомольским заданием для их ячейки были похороны людей, умерших от голода. Сами они также едва стояли на ногах. Спасла их, как он рассказывал, посылка с селедкой, полученная от комсомольцев Украины. Эту селедку они даже не ели, а подвешивали к потолку и время от времени, когда голод становился нестерпимым, подходили к ней, чтобы немного пососать. Выжив в этих страшных условиях, комсомольцы, как и везде по стране, создавали пионерские организации, вели пропаганду нового образа жизни, боролись с религией. В зрелые годы Абдулла Марданович с ужасом вспоминал, что по заданию комсомольской организации они с приятелем залезли под крышу мечети и во время моления верующих, когда в здании собралось много народу, пытались пилой распилить несущую балку. К счастью, балка не поддавалась (мечеть была построена на совесть), кровавого преступления в борьбе с «опиумом для народа», не произошло. Мечеть позднее закрыли, но уже без участия ретивого комсомольца. Рассказ об этом «подвиге» в устах уже пожилого, многоопытного человека в 70-е годы XX в. звучал как покаяние.

Комсомол, однако, дал Абдулле Мардановичу первый навык организаторской работы (секретарь ячейки, член волостного комитета ВЛКСМ) и, главное, путевку в новую жизнь. Он был отправлен на учебу в Москву, на рабфак им. М. И. Калинина. Учиться было нелегко, но еще труднее было привыкать к суетной и такой чуждой тогда башкирскому пареньку жизни в столице. Тоска по родным местам была так сильна, что башкирские рабфаковцы в первые месяцы своей московской жизни по воскресеньям самым интересным для себя считали отправиться на вокзал, откуда шли поезда в направлении Башкирии. Вдруг встретят земляка, поговорят, узнают новости, передадут привет домой.

Тогда же рабфаковцы впервые столкнулись с политическими репрессиями (1925–1927 гг.), затронувшими и их студенческую среду. Но, как вспоминал Абдулла Марданович, они ничего не могли понять

и даже шутили по этому поводу, вывешивая ложные списки тех, кто будто бы будет в следующую ночь увезен в никуда. Все эти события рабоче-крестьянская молодежь рабфака воспринимала как нечто нереальное, не поддающееся их восприятию.

Между тем учеба продвигалась успешно. Окончив рабфак, молодой А. М. Шамсутдинов возвращается в родные места, где его используют на партийной работе. Работал в идеологическом отделе, а затем секретарем Бирского райкома ВЛКСМ, позже в Янкульском райкоме ВКП(б). Партийная работа, однако, не привлекла молодого человека. Ему удалось получить от Башкирского обкома ВКП(б) путевку в Москву на курсы поступающих в вузы и через них поступить в Московский институт востоковедения. Там он в совершенстве овладел турецким и французским языками, а после окончания института поступил в аспирантуру. Уже в 30-е годы, только что окончив институт, он перевел с французского на русский язык основополагающий (впервые тогда опубликованный) труд турецкого ученого Мехмеда Фуада Кёпрюлю о становлении османского государства, а позднее сам стал заниматься этой же проблематикой. Любопытно, что уже тогда академик В. А. Гордлевский, ученый старой дореволюционной русской востоковедной школы, издавая свое исследование о государстве сельджукидов Малой Азии, делает ссылку о том, что ряд неизвестных ему фактов о последнем периоде существования сельджукского государства и становлении османского бейлика сообщил ему аспирант Шамсутдинов.

В Московском институте востоковедения Абдулла Марданович Шамсутдинов работал до ноября 1944 г., был доцентом, деканом Ближневосточного факультета, заведующим издательством. Вместе с институтом пережил эвакуацию в Среднюю Азию.

Семья его в это время (жена — Хмелевская Ольга Павловна, врач по профессии, и дочь Лариса) находилась в родном селе Абдуллы Мардановича в Башкирии. Позднее он с грустью говорил: «Как же красиво по возвращении в Москву пятилетняя Лариса говорила по-башкирски, но позднее забыла язык».

В 1944–1948 гг. А. М. Шамсутдинов работал в ЦК ВКП(б), однако, как и ранее, партийная работа, несмотря на весь свой престиж в то время, его не привлекала. Он ушел в докторантуру Академии наук, а с 1951 г. был зачислен на работу в научно-исследовательский академический Институт востоковедения. Для своей научной работы он выбрал новую для себя тему — «Национально-освободительная борьба в Турции (1918–1922)». В 1953–1956 гг. он был заместителем директора Института, с 1956 г. возглавлял Сектор Турции. Сектор был

тогда создан впервые. До этого существовало единое научное подразделение, где занимались, прежде всего, языком, а также литературой и меньше — историей арабских стран и Турции. Возглавлял его академик В. А. Гордлевский. После его смерти объединение этих востоковедных дисциплин в одном подразделении, что шло еще от традиций дореволюционного востоковедения, было упразднено. Самостоятельный Сектор Турции стал уделять больше внимания турецкой истории, экономике, современным проблемам страны. Он стал центром этих исследований в нашей стране, подготовил много аспирантов для работы по туркологической проблематике не только для себя, но и для тюркских и закавказских республик СССР. Двадцать два года А. М. Шамсутдинов был не просто заведующим, но душой Сектора, всех его начинаний. Он выступал организатором и редактором таких работ Сектора Турции, как «Новейшая история Турции» (1968), «Политика и экономика современной Турции» (1977), трех изданий справочника «Современная Турция», а также многочисленных сборников статей и индивидуальных монографий. Много сил и энергии отдал он организации туркологической науки, координации работ советских туркологов, подготовке научных кадров.

Для собственных исследований Шамсутдинова-ученого были характерны серьезность, глубина, знание деталей тех процессов и явлений, о которых он писал. В то время, когда в востоковедении главным были схемы, концепции, теоретические построения, он оставался для нас, его младших коллег, энциклопедией, кладезем знаний, из которого всегда можно было их почерпнуть, уточнить любой вопрос, получить нужную справку.

Кандидатскую диссертацию А. М. Шамсутдинов защитил в 1940 г. по теме «Образование Османского государства в XIV веке». В диссертации и опубликованных еще в довоенное время статьях о становлении османской государственности и социальных проблемах в раннем османском обществе А. М. Шамсутдинов впервые в нашей историографии проштудировал османские хроники, отметил разнообразие тех социальных истоков, которые породили османское общество, назвал его музеем различных форм «феодализма». Сильной стороной его исследований по средневековой истории является большое внимание к османским представлениям о собственном обществе, идеологическим представлениям того времени, военной структуре государства, складывающегося в результате османских завоеваний.

Докторская диссертация, которую он защитил в 1965 г., была издана в виде монографии под названием «Национально-освободительная борьба в Турции 1918–1923 гг.» (1966). Это одно

из серьезнейших исследований кемалистской революции не только у нас в стране, но и за рубежом. В работе использованы практически все источники по изучаемой проблеме, известные в науке ко времени написания книги. Выводы, в частности о массовом народном подъеме в Анатолии в это время, иногда встречали в турецкой историографии эмоциональные возражения. Однако никто не смог опровергнуть их, опираясь на источниковый материал. Это исследование А. М. Шамсутдинова до сих пор является настольной книгой туркологов. Оно переведено на турецкий язык и издано в Турции.

Последующие годы научная проблематика, разрабатываемая А. М. Шамсутдиновым, была связана с новейшей историей Турции. Его исследования охватывали широкий круг проблем: политическая история Турции республиканского периода, советско-турецкие отношения, актуальные проблемы современности.

По обобщающим трудам по истории Турции, автором или редактором которых был А. М. Шамсутдинов, и сейчас учатся все, изучающие историю Турции. И все, работающие в настоящее время в России, бывших республиках СССР, многих бывших социалистических странах специалисты по истории Турции в той или иной степени являются его учениками.

А. М. Шамсутдинов не раз возглавлял советские научные делегации на многих международных конференциях, в том числе в 50-х годах был участником первого коллоквиума по исламу, состоявшегося в Лахоре, положившего начало возобновлению связей мусульман нашей страны с их зарубежными единоверцами.

Для своих учеников и коллег А. М. Шамсутдинов всегда был образцом порядочности, надежности, скромности. Он умел создать в коллективе спокойную рабочую обстановку, когда все работали с полной отдачей, но без надрывов и ссор. Он прекрасно чувствовал людей и их возможности. Знал все их слабости и трудности, которые неизбежно возникали в жизни. Умел незаметно вовремя помочь. Дисциплина была неформальная, но все сотрудники знали, что нельзя подвести своего руководителя. Он же всегда поддерживал своих, не пасовал перед начальством, умел защитить своих коллег.

В Секторе проходили очень острые дискуссии, в научном коллективе без этого нельзя. Кипели страсти, и, казалось, дело идет к соре, разрыву. Но одной реплики Абдуллы Мардановича было достаточно, чтобы притушить пыл, прийти в себя. В его суждениях всегда был здравый смысл, который заставлял людей одуматься и остановить свою безудержную напористость.

Сектор не был союзом единомышленников в полном смысле этого слова. Во многом наши взгляды не совпадали. Но все мы, его сотрудники, были увлечены своим делом, Турцией, познанием и осмыслением тех явлений, которые в ней происходили. Мы уважали мнение друг друга, понимали, что история, как вообще жизнь, многогранна и на каждое ее проявление можно посмотреть с разных сторон. Все эти взгляды имеют право на существование. Нельзя лишь передергивать факты и искажать действительность. Таковы были подходы А. М. Шамсутдинова к жизни и делу, которому он посвятил свою жизнь.

Сектор Турции Института востоковедения РАН продолжает существовать и пытается сохранить те традиции, которые заложил его первый руководитель. До сих пор к нам приезжают (а чаще пишут) наши бывшие аспиранты и стажеры из других, теперь самостоятельных государств. Вспоминают традиционные в Секторе чаепития, общие праздники, дискуссии и обсуждения, делятся своими научными планами. Знают, что здесь они не встретят конкуренции, а лишь дружеское обсуждение, предупреждение и указание на литературу и источники, которые надо прочесть. Библиотеки Сектора и личные — сотрудников всегда открыты для всех.

Мы тешим себя надеждой, что свято сохраняем традиции и дух, заложенные в нашем коллективе А. М. Шамсутдиновым. Счастливы, что работали, учились и просто жили рядом с этим замечательным человеком и большим ученым.

6. ТУРКОЛОГИ, СОТРУДНИКИ СЕКТОРА ТУРЦИИ 1956–2008 гг.

Ведущим экономистом-туркологом на протяжении последних сорока лет был **Петр Павлович Моисеев**, которого мы, его коллеги, всегда считали одним из основных столпов нашего Сектора.

Моисеев Петр Павлович (06.07.1922 — 21.02.2003) родился в селе Старо-Сеславино Козловского уезда Тамбовской губернии (теперь Первомайский район Тамбовской области) в крестьянской семье. В период раскулачивания дети из семьи разъехались в поисках ремесла. Первую специальность будущий ученый получил как печатник и переплетчик.

Юношей принял участие в Великой Отечественной войне, был тяжело ранен, потерял ногу, награжден орденами и медалями.

Высшее образование получил на турецком отделении Московского института востоковедения (1949 г.). Кандидатскую диссертацию «Кризис экономики Турции во время второй мировой войны» защитил в 1952 году, докторскую диссертацию «Социально-экономический строй турецкой деревни» — в 1969 году.

Это был человек, увлеченный своим делом, скрупулезно собиравший все данные об экономическом развитии Турции (а поверьте, в советское время «железного занавеса» это было очень нелегко). Прекрасно зная турецкую статистику, он держал в голове массу цифр, данных, фактов. Во время обсуждений каких-либо вопросов и дискуссий всегда оперировал конкретными данными турецкой экономики, умел ярко показать ее динамику и проблемы. Много внимания уделял изучению экономической географии страны. Курс географии Турции ярко и увлеченно читал студентам-туркологам в ИСАА при МГУ.

Основным направлением своих научных исследований он считал аграрные отношения и аграрную политику Турции, их эволюцию, в особенности законодательство в этой сфере, крестьянские движения в Турецкой республике.

В 60-е годы прошлого века П. П. Моисеев выпустил ряд работ, подготовленных в соавторстве со своими коллегами М. А. Гасратяном, Ю. Н. Розалиевым, Ю. А. Петросяном. Эти работы освещали социально-экономические проблемы Турции, советско-турецкие отношения и их историю. В изучении же аграрных отношений Турции он был и остается уникальным специалистом, последователей у него, к сожалению, в настоящее время нет.

В монографиях «Аграрные отношения в современной Турции» (1960) и «Аграрный строй современной Турции» (1970) ученый констатирует, что хотя капиталистическая эволюция в сельском хозяйстве Турции сделала крупный шаг на пути его развития, а именно, произошло отделение производителей от средств производства, осуществился переход их в категорию рабочих, в деревне появился слой предпринимателей, увеличились посевные площади и увеличились урожаи сельскохозяйственных культур, тем не менее ни социальные сдвиги в деревне, ни выступление сельскохозяйственных рабочих не смогли уничтожить помещичью монополию на землю.

В последней по времени выхода в свет книге «Турецкая республика: крестьянство и социально-политические процессы в деревне» (1994) П. П. Моисеев поэтапно прослеживает динамику сельскохозяйственного производства и эволюцию аграрных отношений в рамках предлагаемой им периодизации от периода национально-освободительного движения в стране до 1980–1990 годов, превращение Турции в индустриально-аграрное государство под воздействием процессов демократизации общества, не оставляя без внимания трудности реализации этого процесса в турецкой деревне. В своих исследованиях Петр Павлович не ограничивался сюжетами одной страны — Турции, он принимал участие в коллективных работах, касающихся аграрно-крестьянского вопроса в странах Азии и Северной Африки. Невзирая на идеологические шоры советского времени, исследователь П. П. Моисеев не боялся высказывать свои взгляды, не всегда соответствовавшие его времени. Будучи человеком крестьянского происхождения, аграрную сферу он не просто знал, а чувствовал, понимал все ее проблемы и нюансы развития.

Помимо монографических исследований перу П. П. Моисеева принадлежат десятки статей и разделов в коллективных монографиях, в том числе таких значительных, как «Политика и экономика современной Турции» (1977); «СССР и Турция: 1917–1979 гг.» (1981); «Турция между Европой и Азией» (2001). В справочниках «Республика Турция» П. П. Моисеев был неизменным автором разделов «Географическое положение Турции», «Народонаселение»,

«Аграрный строй». В коллективных публикациях Сектора Турции Петр Павлович принимал самое активное участие не только как автор, но и как ответственный редактор, редактировал он и монографии многих своих коллег. Считалось большой удачей, если он соглашался стать редактором. Работы, прошедшие через его руки, всегда отличались логической стройностью, он внимательно выявлял все нечаянные неточности и допущенные промахи.

П. П. Моисеев был непререкаемым и желанным участником туркологических научных конференций в стране и за рубежом, в том числе в Турции, Болгарии и др. При этом он не только выступал на научных форумах, но и всегда внимательно подмечал все интересное в тех местах, где бывал. Умел очень красочно и информативно рассказать об этом. П. П. Моисеев всегда бывал активным участником и тех экскурсий, которые организовывались в Институте. При этом, несмотря на последствия тяжелого военного ранения, он всегда был в них в первых рядах, не требовал себе какой-либо помощи и особого внимания, не давал окружающим почувствовать свои физические трудности. Лишь умом окружающие могли осознать, как же ему порой бывало нелегко сохранять всегдашнюю бодрость, энергию, любознательность и всегдашний оптимизм.

Петр Павлович Моисеев был прирожденным педагогом. Вел курсы экономики и географии в ИСАА при МГУ, имел многочисленных аспирантов, причем не только из Москвы, но и из восточных республик Советского Союза. С ними приходилось работать не только как научному руководителю, но и заниматься общетеоретическими проблемами и даже совершенствовать их русский язык. Моисеевская школа всегда сказывалась. Его подопечные выходили на защиту диссертаций с полноценными научными исследованиями.

В числе последних по времени его учеников следует назвать Наталию Юрьевну Ульченко, которая под руководством Петра Павловича Моисеева успешно защитила кандидатскую диссертацию и вот уже несколько лет является заведующим Сектором Турции. Она же взяла на себя преподавание тех курсов в ИСАА, которые раньше вел П. П. Моисеев.

Экономическое развитие Турции является сферой научных интересов и **Елены Измаиловны Уразовой**.

Е. И. Уразова (13.12.1930), уроженка Москвы, выпускница Восточного отделения Исторического факультета МГУ (1953 г.), аспирантка Института востоковедения АН СССР (1953–1956 гг.), т. е. тех времен, когда туркология находилась еще в ведении В. А. Гордлевского. Кандидатскую диссертацию на тему «Налоговая политика и налоговая

система Турции» защитила в 1959 году. Доктором экономических наук стала в 1992 году, защитив диссертацию на тему «Проблемы накопления и финансирования экономического развития Турции».

Свою научную деятельность Е. И. Уразова начала в Секторе конъюнктуры, а затем в Отделе финансово-экономических проблем Института. В Сектор Турции, в котором ранее проходила аспирантуру, она вернулась лишь в 1975 году. Тематика ее работ разнообразна, но все-таки основное направление ее интересов лежит в сфере экономики Турции: финансы, налоговая политика, проблемы финансирования экономического роста, мобилизации внутренних и внешних источников накопления. Порою диапазон ее исследований расширялся за счет рассмотрения аналогичных проблем в других странах Ближнего и Среднего Востока. Ее перу принадлежит несколько монографий: «Турция: проблемы финансирования экономического развития» (1974), где анализируется национальный доход страны, источники и темпы его роста, привлечение и использование внешних ресурсов, государственные финансы, кредитная система; «Налоги и экономический рост развивающихся стран. На примере стран Ближнего и Среднего Востока» (1981); «Экономика Турции от этатизма к рынку (внутренние и внешние источники экономического роста)» (1993). В последней работе, основу которой составила докторская диссертация, автором рассматриваются особенности экономического развития Турецкой Республики с ударением на период 60–80-х годов, когда страна из отсталой аграрной превратилась в индустриально-аграрное государство. Проанализирована динамика и факторы экономического роста в связи с форсированным переводом экономики на конкурентно-рыночную основу.

Е. И. Уразова занималась и проблемами Кипра, его экономикой и особенностями политической ситуации на острове. В результате этой работы в издательстве «Мысль» ею была опубликована книга «Кипр» (1966), а позднее главы в справочниках «Кипр», вышедших в 1986 и 1990 гг.

После распада Советского Союза, появления на постсоветском пространстве новых суверенных государств в научных исследованиях Е. И. Уразовой появилась новая тематика, а именно становление и развитие торгово-экономических связей Турции с республиками Центральной Азии и Закавказья. Исследования автором этой проблематики получили воплощение в монографии «Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств» (2003), где основное внимание сосредоточено на проблемах, связанных с экспансией Турции во вновь возникшие государства; создания межгосударственных

структур, особенностей торговли и инвестиционной деятельности турецких компаний в отдельных государствах. В работе также проанализированы процессы региональной интеграции и участия в них Турции.

Е. И. Уразова — неперенный участник научных конференций как внутри страны, так и за ее рубежами, в том числе в Болгарии, Чехословакии, Турции. Ее перу принадлежат многие десятки статей, научных разработок, прогнозов, рецензий, опубликованных в отечественных и зарубежных изданиях. Изучение конкретики в работах Уразовой тесно увязано с анализом проблем экономического роста этой страны, особенностями турецкого национализма, развитием российско-турецкого торгово-экономического сотрудничества. Список научных публикаций Е. И. Уразовой включает более 120 названий.

Еще одна сторона научного дарования Е. И. Уразовой, развившаяся за годы плодотворной научной деятельности, состоит в том, что она квалифицированный редактор. В последние годы бессменный ответственный редактор публикаций Сектора Турции, работы довольно трудоемкой, так как в изданиях принимают участие исследователи с различным уровнем подготовки и системой взглядов. В качестве примера можно привести книгу «Турция в XX веке» (2009), где авторами являются исследователи научных и практических востоковедных центров Москвы, Украины, Турции. Следует подчеркнуть, что Е. И. Уразова в редакторской правке умеет максимально сохранить стиль, лексику и особенности литературного изложения материала, присущие тому или иному автору.

Под руководством Е. И. Уразовой несколько аспирантов защитили свои кандидатские диссертации. Среди них Элиф хатун Кылычбейли, представительница Турции, работающая в настоящее время в университете Аданы.

Экономика Турции является главным объектом исследований и **Наталии Юрьевны Ульченко**.

Н. Ю. Ульченко (16.07.1963), москвичка, в 1985 г. окончила Институт стран Азии и Африки при МГУ с дипломом экономиста-востоковеда, переводчика турецкого языка. Училась в аспирантуре Института востоковедения АН СССР. В 1990 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «СССР и Турция: проблемы экономического сотрудничества в 60–80-х годах XX в.».

Автор нескольких монографий. Это, прежде всего, «Экономика Турции в условиях либерализации» (2002), где дается оценка двух десятилетий либерализации турецкой экономики. Рассматриваются

динамика экономического роста и инфляции, роль государственного и частного сектора в инвестиционном процессе. Анализируются изменения соотношений между этими секторами в сферах финансового рынка и основных отраслей экономики.

В 2006 году в соавторстве с Н. М. Мамедовой ею опубликована монография «Особенности экономического развития современных мусульманских государств (на примере Турции и Ирана)». В исследовании рассматриваются модели экономического развития Турции и Ирана, их специфика, в какой мере лидеры обоих государств готовы отступить от своих догматических канонов под давлением экономических реалий.

Кроме того, Н. Ю. Ульченко является автором и редактором коллективных трудов, издаваемых в рамках Сектора Турции и Отдела стран Ближнего и Среднего Востока. В частности, книги «Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы развития» (2003). Книга в переводе издана в Турции. Ряд статей и прогнозов Н. Ю. Ульченко помещены в Интернете на сайте ИВ РАН.

В 1992 и 2006 гг. двумя изданиями опубликована (в соавторстве с С. Ф. Орешковой) книга «Россия и Турция: проблемы формирования границ», где анализируется 500-летний период геополитического размежевания двух империй, пограничные вопросы 20-х гг. XX в., современное состояние раздела черноморского шельфа и те территориальные конфликты былых времен, которые до сих пор оказывают влияние на развитие пограничных регионов двух стран. Книга снабжена приложениями, где помещены тексты наиболее принципиальных договоров и соглашений, регулировавших отношения России и Турции.

В 2001 г. Н. Ю. Ульченко возглавила Сектор Турции. В то трудное для нашей науки время ей удалось сплотить Сектор, организовать его работу, используя потенциал всех членов Сектора, поддержать ту доброжелательную и творческую атмосферу, которая была на всем протяжении истории существования этого научного подразделения свойственна ему, продолжить традиции объединения вокруг Сектора всех туркологических сил, имеющихся в стране.

Н. Ю. Ульченко выступает бессменным организатором справочных изданий по Турции, конференций, не только касающихся Турции (а подведение итогов жизни Турецкой республики за истекший год ежегодно в декабре — обязательная традиция Сектора), но и по более широкой проблематике, относящейся к сфере интересов всего Отдела Ближнего и Среднего Востока Института, таких как «Ислам и общественное развитие в начале XXI века», «Исламский фактор в истории

и современной политике стран Ближнего и Среднего Востока» и т. п. Она является одним из редакторов сборников, выпускаемых по материалам этих конференций.

Координационная работа и преподавание экономики и экономгеографии Турции в ряде востоковедных учебных заведений Москвы делают Н. Ю. Ульченко ключевой фигурой российской туркологии, много сил отдающей сохранению и пополнению кадров исследователей туркологической проблематики. Она стала душой Сектора, ее такт и заботливость особенно важны в связи с тем, что нынешние сотрудники Сектора вдвое старше своего руководителя, а научная молодежь, появляющаяся в последние годы, еще только начинает набираться опыта.

Николай Гаврилович Киреев известен и как экономист, и как историк Турции.

Н. Г. Киреев (20.09.1929) уроженец села Зарубежье Семлевского района Смоленской области. С 1941 г. живет в Москве. По окончании средней школы (1949 г.) учился на Восточном отделении Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1949–1954 гг.). Несколько лет работал библиографом-туркологом во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы им. М. И. Рудомино (1955–1958 гг.). В Институте востоковедения РАН с 1958 года. Был первым хранителем фонда мемориальной библиотеки В. А. Гордлевского. Им составлены первые тематические блоки книжного фонда этой библиотеки и была начата каталожная обработка книг.

Ряд лет Н. Г. Киреев работал в Турции (1962–1966 гг., 1967–1969 гг.) в качестве экономиста, а затем старшего экономиста Торгового представительства СССР в Турции.

Практическая работа побудила Н. Г. Киреева отойти от исторической проблематики (хотя к тому времени он уже опубликовал несколько статей и был принят в аспирантуру со специализацией по истории Турции XIX в.) и заняться исследованием экономики Турции.

Диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук он защитил в 1966 году по теме «Национальный и иностранный капитал во внешней торговле Турции». Докторской диссертацией Н. Г. Киреева стала монография «Развитие капитализма в Турции: к критике теории “смешанной экономики”», изданная в Москве в 1982 г. В этом исследовании рассматривалось взаимодействие государственного и частного секторов в экономике Турции, что в те годы звучало как новое слово в изучении особенностей развития

экономики восточных стран. Ведь по канонам советской идеологии тех времен считалось, что доминирующей и наиболее прогрессивной формой собственности должна быть государственная, возможности и преимущества частных форм собственности и предпринимательства, о которых говорил автор, недооценивались. Свое видение особенностей экономического развития Турции Н. Г. Киреев изложил и в своей следующей монографии «История этатизма в Турции» (1991), где исследовал эволюцию политики этатизма в Турции, формы воздействия государства на социально-экономическую структуру турецкого общества, изменение этих форм на различных этапах его развития. Подробно исследуется период становления республиканского строя, когда особое внимание уделялось развитию государственного сектора экономики. Определено место государственной капитализации в той политике вестернизации, которую проводило правительство Турции на протяжении всего республиканского периода.

Выпустив в серии «История стран Востока в XX веке» книгу «История Турции. XX век» (2007), Н. Г. Киреев этим обширным исследованием как бы подводит итог своим научным изысканиям и в то же время возвращается к собственным истокам, к истории, причем теперь уже не только экономической, но и другим ее аспектам.

В книге выделены основные этапы развития страны, охарактеризована внутренняя и внешняя политика, изложение доведено вплоть до современного периода, когда к власти пришло правительство «умеренного ислама». Показано, что Турция превратилась в одного из крупнейших региональных лидеров индустриально-аграрных государств, выполняющей роль экономического, торгового и транспортного моста между Европой и Азией.

Автор освещает также основные вехи экономических и политических взаимоотношений Турецкой Республики с СССР, Российской Федерацией и новыми суверенными государствами на постсоветском пространстве Закавказья и Центральной Азии.

Интересен материал об идеологических поисках в турецком обществе, прослеженных автором со времен Танзимата. Показаны этапы и успехи страны в строительстве светского общества и недостатки в сфере демократизации отношений между государством и обществом. Говорится об исламизме и национализме, их значении и крайностях.

Работа Н. Г. Киреева «История Турции. XX в.» — итоговая работа не только автора, но и всего Сектора Турции, на протяжении более чем полувека знакомявшего русскоязычного читателя с Турцией,

соседом, страной за Черным морем, идущей своим, как и Россия, евразийским путем развития.

Книга, бесспорно, будет интересна и молодежи и практическим работникам, и вообще всем тем, кто интересуется или работает с этой страной.

С 1985 по 1999 гг. Н. Г. Киреев возглавлял Сектор Турции, руководил аспирантами, успешно защищавшими свои диссертации, но уходившими, как правило, из науки на практическую работу. Многие из них, правда, остались друзьями Сектора, как, например, Мехмед Тогочар, первый турок, получивший у нас степень кандидата экономических наук и занимающийся в настоящее время бизнесом.

Сам Н. Г. Киреев продолжает серьезно исследовать проблемы идеологии, опубликовав в последние годы ряд объемных статей о соотношении в настроениях современного турецкого общества идей светскости и религиозности, опасности для него крайностей политического ислама и воинственного национализма.

Более шестидесяти лет внешнюю политику Турецкой Республики изучает **Борис Михайлович Поцхверия**.

Б. М. Поцхверия, москвич, родился 1 июня 1919 года. По образованию инженер, выпускник Московского авиационного института (1938–1944 гг.), продолжил обучение в Высшей дипломатической школе МИД СССР (1944–1947 гг.). Аспирантуру закончил в рамках Института экономики АН СССР (1948–1950 гг.), начал трудовую деятельность в качестве научного референта Отделения истории и философии АН СССР.

Диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Захватническая политика американских империалистов в Турции во время и после мировой войны (1914–1920 гг.)» успешно защитил в 1953 г. Доктором наук стал в 1984 году. Тема его диссертационного исследования — «Внешняя политика Турции после Второй мировой войны». В 1970–1978 гг. был заведующим Сектором внешнеполитических проблем стран Азии и Северной Африки ИВ АН СССР.

Круг научных исследований Б. М. Поцхверия охватывает все аспекты внешней политики Турции, включая проблему Кипра, взаимоотношений Турции с СССР, РФ, странами Востока и Запада. Им опубликовано более ста научных статей, разделов в коллективных монографиях как Института востоковедения, так и других научных подразделений АН СССР, позже РАН.

Перу Б. М. Поцхверия принадлежит и ряд монографий: «Внешняя политика Турции после Второй мировой войны» (1976); «Внешняя политика Турции в 60-х — начале 80-х годов XX века» (1986); «Турция

между двумя мировыми войнами: очерки внешней политики» (1992).

Исследования Б. М. Поцхверия прослеживают эволюцию внешней политики Турции за весь период ее республиканского развития, тщательно анализируют внешние и внутренние факторы, влияющие на эту политику. В последние годы он большое внимание уделяет проблемам, связанным с режимом Черноморских проливов. В недавней публикации Института российской истории «Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия)» (1999) Б. М. Поцхверия является автором главы X — «Советско-турецкие отношения и проблемы Проливов накануне и в годы Второй мировой войны и в последующие десятилетия».

Итоги исследования ученого имеют важное научно-теоретическое и практическое значение, являются основой для прогнозирования внешней политики Турции в современном мире.

Ряд работ Б. М. Поцхверия опубликованы за рубежом, в Турции, где его исследования получили высокую оценку — он избран членом-корреспондентом (1985 г.), а с 2006 г. действительным членом Турецкого исторического общества Высшего общества культуры, языка и истории им. М. К. Ататюрка.

Б. М. Поцхверия был и остается неизменным участником международных научных конференций и симпозиумов.

Некоторые его бывшие аспиранты являются в настоящее время сотрудниками МИДа и других внешнеполитических ведомств РФ.

Внутренняя политика Турецкой Республики, ее партии и армии были предметом научных интересов **Владимира Ивановича Данилова**.

В. И. Данилов (19.05.1931 — 06.12.2001), москвич, выпускник турецкого отделения Московского института востоковедения (1954 г.) и аспирант Института народов Азии (название Института востоковедения АН СССР в течение короткого времени).

В 1965 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Предпосылки и характер государственного переворота 27 мая 1960 г. в Турции». Диссертацией на соискание ученой степени доктора исторических наук стала его монография «Основные направления и особенности политической борьбы в 50-е — начале 80-х гг. (к проблеме роли политических партий и армии в развивающемся обществе Востока)» (1986).

Неоднократно выезжал на работу за рубеж в Турцию, Сирию, США (с 1967 по 1969 гг. работник секретариата ООН, Нью-Йорк), сна-

чала как переводчик или чиновник, позднее уже в страну изучения, как ученый — участник научных конференций.

С 1976 по 1985 г. В. И. Данилов возглавлял Сектор Турции.

Это был талантливый ученый и скрупулезный исследователь. Его интересовали все аспекты истории Турции в новейшее время, политика, строительство ее многопартийной системы, роль армии в период политических катаклизмов.

Первой опубликованной монографией В. И. Данилова стала книга «Средние слои в политической жизни Турции» (1968).

Автор определил состав, численность, экономическое положение, выявил социальные воззрения средних слоев населения Турции периода 60-х годов; проследил их роль в событиях государственного переворота 27 мая 1960 г. и вообще в общественно-политической жизни страны в то время, показал изменения в положении средних слоев населения после переворота, когда особенно четко выявились глубокие противоречия внутри турецкого общества.

Перу этого исследователя принадлежат также книги: «Политическая борьба в Турции. 50-е — начало 60-х годов XX в. (политические партии и армия)» (1985); «Турция 80-х: от военного режима до “ограниченной демократии”» (1991) и несколько десятков статей и разделов в коллективных монографиях. В том числе в периодически издаваемых сектором справочниках «Республика Турция», где он был постоянным автором разделов о новейшей истории Турции и политических партиях, армии, не раз выводившей страну из очередного кризиса.

Нельзя не выделить еще одну особенность научного потенциала В. И. Данилова. Он был талантливым редактором многих и многих книг, в том числе сборников статей сотрудников сектора Турции, подготовленных по материалам научных конференций: «Турция: история, экономика, политика» (1984); «Турция: история и современность» (1988).

В последней по времени опубликованной коллективной монографии «Эволюция политических систем на Востоке» В. И. Данилов был не только ответственным редактором, но и автором большого раздела «Турция: борьба за создание вестернизированного демократического общества». В этом разделе, по существу, суммированы взгляды автора на формирование идеологических основ турецкого государства, строительство политической системы страны от однопартийного режима 1923–1945 гг. до кризисных явлений многопартийной системы Турции 90-х годов и роль армии в решении социально-экономических и этно-национальных проблем турецкого общества.

В. И. Данилов ушел из жизни на взлете своих исследовательских возможностей, полный дальнейших планов и задумок. Об этом свидетельствуют, в частности, книги его личной библиотеки (они были переданы дочерью Владимира Ивановича в библиотеку института), полные закладок, выписок, подчеркиваний, свидетельствующих о дальнейших исследовательских планах ученого. Он был блестящим знатоком политической жизни Турции. К сожалению, среди научной молодежи наследника у него пока не нашлось.

Современной историей Турции занимался **Манвел Арсенович Гасратян** (21.05.1924 — 5.10.2007). Он родился в крестьянской семье в деревне Калага Исмаилинского района АзССР. Участник Великой Отечественной войны, награжден орденами и медалями СССР. Окончил турецкое отделение Московского института востоковедения (1952 г.) и аспирантуру при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Кандидатскую диссертацию «Национальный вопрос в Турции (1919–1939 гг.)» защитил в 1956 году, докторскую диссертацию — в 1978 г. на тему «Курдская проблема в Турции в новейшее время» по материалам одноименной монографии.

М. А. Гасратян начинал свою трудовую деятельность в Издательстве восточной литературы, где, в частности, им была осуществлена научно-редакционная подготовка издания четырехтомного собрания «Избранных сочинений» академика В. А. Гордлевского.

После перехода в 1961 г. на работу в Сектор Турции, Манвелом Арсеновичем Гасратяном вместе с П. П. Моисеевым, по горячим следам военного переворота 1960 г., была опубликована книга «Турция ждет перемен» (1963), а позднее его собственная монография «Турция в 1960–1963 гг.: очерк внутренней политики».

В 1983 году вышла из печати коллективная работа М. А. Гасратяна, С. Ф. Орешковой, Ю. А. Петросяна «Очерки истории Турции». Ее целевая аудитория включает в себя учащихся и аспирантов-востоковедов, научных сотрудников, профессионально занимающихся Востоком и просто интересующихся им. Работа до сих пор не потеряла своего значения.

В середине 70-х годов научный интерес М. А. Гасратяна сосредоточился на проблемах истории курдского народа. Им было организовано отдельное научное подразделение института — Сектор курдских проблем. Став его руководителем, М. А. Гасратян не порвал связей и с Сектором Турции, участвовал в обсуждении работ, выступал на конференциях, оставался большим другом Сектора.

Вкладом в историю Турции могут считаться и такие его курдоведческие работы, как «Турецкий Курдистан между двумя войнами» (Бейрут, 1987) (книга переведена на арабский язык). «Курдское движение в новое и новейшее время» (1987), в соавторстве с О. И. Жигалиной и Ш. К. Мгояном «Курды в Турции в новейшее время» (1990); «Курдская проблема в Турции (1986–1995 гг.)» (2001). Курдская проблема интересовала ученого не только умозрительно, он был близко знаком с курдами России и зарубежья и очень почитаем ими.

Уникальным знатоком левого и коммунистического движения в Турции был **Радмир Платонович Корниенко** (08.06.1925 — 20.09.2001). Он родился в Харькове, на Украине, его отец был активным участником колхозного строительства, репрессирован в 30-х годах. Юношей Радмир Платонович принимал участие в военных действиях в период Великой Отечественной войны, дослужился до офицерского звания, был неоднократно ранен и контужен, имел праймерственные награды.

В 1952 году окончил турецкое отделение Московского института востоковедения, продолжил обучение в аспирантуре Института международных отношений МИД СССР.

Будучи зачисленным в штат Института востоковедения АН СССР в 1956 году, был откомандирован в распоряжение Комиссии по публикации дипломатических документов МИД СССР, что дало основание начинающему исследователю стать автором-составителем комментариев, касающихся отношений Советского Союза и стран Востока, опубликованных во II, III и IV томах «Документов внешней политики СССР», изданных Госполитиздатом.

Работа с архивными документами определила круг научных интересов Р. П. Корниенко, а именно деятельность Коммунистической партии Турции, трагическая судьба ее руководителей (М. Субхи), рабочее движение, что нашло выход в опубликованных статьях «Рабочее движение в Турции 1923–1936 гг.», «К истории рабочего движения в Турции» и др.

Его интересовала также деятельность турецких профессиональных союзов и партий левого толка. По этой тематике Р. П. Корниенко выступал на научных конференциях в Москве и городах СССР, являлся автором справочников и коллективных монографий Сектора Турции.

В 1964 году Р. П. Корниенко защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, после чего выпу-

стил монографическое исследование «Рабочее движение в Турции 1918–1963 гг.» (1965).

Он неоднократно выезжал за рубеж, в частности в качестве переводчика, принимал участие в строительстве комплекса зданий посольства СССР в Турции.

В последние годы жизни он отошел от научной деятельности, увлекшись общественной работой, тяжело переживал проблемы перестройки. Тем не менее его последняя публикация датируется 2000 годом. В его статье «Общественные организации Турции», помещенной в справочнике «Турецкая Республика» (2000), описана деятельность важнейших профсоюзов Турции, структура их центральных и региональных органов, международные связи, печатные издания, проанализированы программы. Прослежены активные политические выступления трудящихся за период 1960–1990 годов.

К большому сожалению, продолжателем тематики, скрупулезным исследователем которой был Р. П. Корниенко, до сих пор также не нашлось.

Радмир Платонович Корниенко был исключительно добрым и отзывчивым человеком. Ему было свойственно замечательное чувство юмора. Его шуточные прозвища, яркие рассказы о порой трагических случаях на войне и в нашем быту, даже при повторях вызывавшие гомерический хохот слушателей, коллегам невозможно забыть.

Яркой, блестящей светской дамой и в то же время научным работником, не боящимся никакой черновой, научно-технической работы, была **Антонина Карловна Сверчевская** (20.03.1921 — 2004 г.). Она родилась в Москве, была одной из трех дочерей легендарного героя гражданской войны в Испании генерала Вальтера (Карла Карловича Сверчевского). Высшее образование получила на турецком отделении Московского института востоковедения (ускоренный выпуск 1943 г.), затем продолжила обучение на двухгодичных курсах усовершенствования переводчиков в рамках того же института. Служила в Иностранной редакции ТАСС в Вене в качестве редактора и референта-переводчика турецкого языка (1948–1950 гг.). Зачислена в штат Института востоковедения АН СССР в 1950 году, сначала научно-техническим сотрудником в Сектор Турции, позже научным.

Кандидатом исторических наук (по совокупности трудов) стала в 1970 году, представив диссертационное сочинение «Советская историография национально-освободительного движения (1918–1923 гг.) в Турции».

А. К. Сверчевская продолжила начатую Т. П. Черманом, сотрудником ленинградской Библиотеки Академии наук, составление библиографии работ по Турции, вышедших в России, начиная с 1713 г. Ею эта работа была доведена до издания — «Библиография Турции 1713–1917 гг.» (1961); «Библиография Турции 1917–1958 гг.» (1959). Эта огромная работа (объемом 25 и 15 п.л.), требовавшая тщательности, внимания и организованности, позволила увидеть тот большой интерес, который издавна присутствовал в российском обществе и российской науке к Турции, и тот объем знаний, который был накоплен. Позднее А. К. Сверчевская подготовила второе, дополненное и исправленное издание библиографических работ по туркологии, выпущенное в советский период. Оно было издано в 1974 г. и имело объем 60 п. л. Позднее, во второй половине 90-х годов, эту библиографическую работу по Турции продолжала З. Г. Ожерельева, библиограф Института, но, к сожалению, ее собрание так и не дошло до печати. Оно осталось депонированным в Институте научной информации по общественным наукам. В издающийся с 1975 года в Вене библиографический *Turkologischer Anzeiger* обычно и сейчас отправляется 150–200 карточек, фиксирующих статьи и книги по Турции, издающиеся ежегодно на русском языке (их собирают Ю. Л. Пешковский и И. В. Зайцев), так что необходимость в составлении новых библиографических справочников явно назревает.

А. К. Сверчевской, кроме того, была составлена «Библиография Ирана 1917–1965 гг.» (1967), а также «Библиографический указатель — Назым Хикмет» (1967) и биографический справочник «Политические деятели Турции и Ирана» (в соавторстве с Ю. А. Ли) (1979), Спецбюллетень № 3 (206).

Кроме вышеуказанной справочной работы А. К. Сверчевская занималась переводами. В частности, ею были изданы (в сотрудничестве с В. Феоновой) сборник рассказов Бекира Ылдыза «Черный вагон» (1972) и публицистическая книга К. Познаньской «Старая и новая Турция» (перевод с польского) (1977).

Научные интересы А. К. Сверчевской были направлены на изучение культурной жизни Турции. В 1983 году вышла из печати ее книга «Советско-турецкие культурные связи. 1925–1981 гг.». Она написана с широким привлечением архивных материалов, документальных источников, советских и зарубежных, советской и иностранной прессы.

Перу А. К. Сверчевской принадлежит также ряд статей и разделов в коллективных монографиях и справочниках по различным вопросам культурной жизни Турции.

В 2001 г. А. К. Сверчевская издала книгу «Известный и неизвестный Назым Хикмет» — это подробная биография Назыма Хикмета, с которым она была дружна многие годы и продолжала дружить с его семьей после кончины поэта. В ней повествуется о тех периодах жизни турецкого поэта, драматурга и прозаика, которые были связаны с его пребыванием в Советском Союзе. В работе над книгой использованы ранее неизвестные материалы из российских государственных архивов, журнальные и газетные публикации тех лет, воспоминания людей, близких поэту. Совместно с С. Н. Утургаури (составитель и ответственный редактор) была издана также книга «Брат Назым» (2002), составленная из рассказов о поэте российских литераторов, журналистов, режиссеров, людей искусства. Издание снабжено подробными примечаниями. Читатель узнает из этой книги, как жил и работал Назым Хикмет в Москве двенадцать последних лет своей жизни (1951–1963), каким человеком был этот великий турецкий поэт, внук паши и коммунист-романтик, и какую память о себе он оставил в сердцах российских людей. В 2002 г. Книга была переведена на турецкий язык и издана в Турции.

С. Н. Утургаури и А. К. Сверчевская были приглашены в Турцию на научную конференцию, посвященную 100-й годовщине со дня рождения Назыма Хикмета, выступали с докладами и принимали активное участие в торжествах.

Научным сотрудником Сектора Турции и одновременно хранителем Мемориального кабинета-библиотеки им. В. А. Гордлевского являлась **Юлия Александровна Ли** (27.02.1932 — 17.03.2009), уроженка Ленинграда, выпускница Восточного факультета (кафедра тюркской филологии) Ленинградского государственного университета (1956 г.). С 1957 до 1964 г. была сотрудницей Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Занималась описанием рукописей в отделе рукописей ЛО ИВ РАН, затем под руководством академика А. Н. Кононова — проблемами отечественного востоковедения. Как результат работы большого коллектива сотрудников, среди которого была Ю. А. Ли, явилась публикация книги «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период)» (1974, второе издание — 1989 г.).

В 1964 г. переехала в Москву, где стала работать в Секторе Турции ИВ АН СССР. С 1965 г. является заведующей Мемориальным кабинетом акад. В. А. Гордлевского. Ею велась работа по упорядочению фонда мемориальной библиотеки, составлению каталогов, а также организовывались тюркологические семинары, юбилейные выставки, была опубликована библиография трудов акад. В. А. Гордлевского.

Много сил и труда потребовало перемещение кабинета-библиотеки в новое помещение, что было связано с переездом Института в новое здание на ул. Рождественка (в советское время — Жданова), 12. Дирекция Института не сразу нашла место для размещения библиотеки и ее пришлось трижды перемещать из одной комнаты в другую, что, к сожалению, не обошлось без книжных утрат.

В течение десятилетий Ю. А. Ли являлась бессменным ученым секретарем Сектора Турции.

Кандидатскую диссертацию по теме «Подготовка кадров средней и высшей квалификации для народного хозяйства Турции (1960–1970 гг.)» Ю. А. Ли защитила в 1975 году.

Ю. А. Ли входила в число авторов коллективных монографий и справочников, издаваемых Сектором Турции, таких как «Турецкая Республика», «Государственные и политические деятели Турции» (1979); «Турция: востоковедные центры зарубежных стран», ч. II — Азия и Африка (1983). Однако главной в ее научной работе продолжала оставаться проблема образования в Турецкой Республике. Ею исследовались различные аспекты становления и развития единой государственной системы обучения всех уровней и отраслей образования, законодательство и реформы, принимаемые в различные периоды республиканского развития страны вплоть до начала XXI в. Рассмотрены многие аспекты и специфические особенности подготовки национальных кадров различных отраслевых направлений, в том числе профессионально-технических — важнейшего слоя специалистов для развития экономики страны. Обращено внимание и на роль внешних факторов в решении проблем образования в Турции и за ее рубежами, возникновение частного сектора в системе образования Турции, что обусловлено необходимостью интенсифицировать появление национальных специалистов для освоения высоких технологий в сферах производства, бизнеса и информационных технологий, особенности функционирования системы религиозного обучения. Итогом исследований автора в этой сфере стала книга «Реформы в системе образования Турецкой Республики 1970–2002 гг.» (2006).

Ряд статей Ли Ю. А., опубликованных в последние годы, освещают проблемы взаимодействия Турции и новых тюркских стран постсоветского пространства в сферах культуры и образования, в частности трудности, связанные с возвращением к латинской графике, интерес к изучению истории, литературы, искусства друг друга.

После ухода из жизни А. М. Шамсутдинова и А. М. Валуйского единственным османистом в Секторе вот уже много лет остается

Светлана Филипповна Орешкова (16.10.1935). Она родилась в г. Смоленске, но с раннего детства жила в Москве. В 1953 г. поступила на Восточное отделение Исторического факультета МГУ. С четвертого курса, в связи с реорганизацией отделения, была переведена в Институт восточных языков (ныне ИСАА при МГУ), который и окончила в 1958 г. Была принята в штат Института востоковедения АН СССР как научно-технический сотрудник Сектора Турции. В 1961–1964 гг. училась в аспирантуре Института. В 1965 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Русско-турецкие отношения в начале XVIII в.». В 1971 г. дополненная диссертационная работа была выпущена как книга.

Сектор в основном специализировался на изучении истории и экономики Турецкой Республики. Сотрудники шутили, что в распоряжении С. Ф. Орешковой остается вся османистика. Это, конечно, почетно, но создавало и огромные трудности. В 1973 г. ушли из жизни учителя — А. Ф. Миллер и А. С. Тверитинова. В Москве единственным коллегой-османистом оставался М. С. Мейер, преподававший в МГУ. Собираясь вместе, С. Ф. Орешкова, М. С. Мейер и И. М. Смилянская, арабистка, занимающаяся османским периодом арабской истории, обменивались своими размышлениями, говорили о книгах, которые каждый из них сумел прочесть. Понимали, что османистика — огромное поле исследования, в одиночку на котором можно заблудиться. В Институте медиевистика принималась главным образом как область социально-экономических исследований, обосновывающая пятичленную структуру марксовской формационной теории. Потому-то широко и увлеченно обсуждались проблемы типологии феодализма. С. Ф. Орешкова выступала со своим османистическим материалом на этих дискуссиях. Это позволяло ей публиковать статьи по социально-экономической истории в институтских сборниках, но заставляло отходить от той внешнеполитической проблематики, которую она считала основной темой своей исследовательской работы. Османская империя как объект международных отношений не интересовала Институт востоковедения, но привлекала внимание работающих по сходной проблематике в других академических институтах. С. Ф. Орешкова сотрудничала с Институтом славяноведения и балканистики, где было выпущено трехтомное издание «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы» (1984, 1998, 2001), Институтом всеобщей истории (главы в «Истории Европы» и «Всемирной истории», книге «Византия между Западом и Востоком»). Очень полезными для ее работы над османскими источниками были организованные Комиссией ЮНЕСКО

по балканистике (СИБАЛ) семинары по османской палеографии (в Будапеште и Софии). На этих семинарах известные европейские специалисты по османскому источниковедению сидели за одним столом, вместе читали предложенные каждым из них османские тексты, обсуждали трудные для понимания места. Это была хорошая школа, которую, к сожалению, С. Ф. Орешковой не удалось пройти в студенческие годы. Лишь после этого она решилась на публикацию ряда османских источников, хранящихся в наших архивах.

С 1978 г. С. Ф. Орешкова выступает составителем, редактором и автором сборников статей, подготавливаемых Сектором Турции. Вначале это делалось совместно с А. М. Шамсутдиновым, затем самостоятельно, ограничившись лишь османистикой, в последние годы — вместе с М. С. Мейером и И. В. Зайцевым. В этих сборниках сотрудничали не только туркологи, но и другие специалисты, занимающиеся историей османского региона, из разных городов и республик Советского Союза и из-за рубежа. Османистический материал таким образом начал шире вводиться в научный арсенал русскоязычных исследователей. Следует выделить следующие сборники: «Османская империя: система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы» (1986), «Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура» (1990); «Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией» (1996); «Османская империя: события и люди». Сборник статей к 70-летию со дня рождения Ю. А. Петросяна (2000); «От Стамбула до Москвы». Сборник статей в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера (2003); *Turcica et Ottomanica*. Сборник статей в честь 70-летия М. С. Мейера (2006).

Большинство этих изданий не было сборниками статей сотрудников Сектора, но Сектор выступал организатором и объединителем тех кадров, которые хотели работать в области османистики.

Из последних публикаций С. Ф. Орешковой следует отметить написанную совместно с Н. Ю. Ульченко работу «Россия и Турция: проблемы формирования границ» (1992), второе издание — 2006 г. В 2005 г. ею были подготовлены к переизданию фундаментальные труды В. Д. Смирнова «Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века» и «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке», выпущенные как два тома с предисловием, комментариями и послесловием С. Ф. Орешковой. А также публикацию материалов первого постоянного посла России при османском дворе П. А. Толстого «Описание

Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота» (2006), осуществленную совместно с И. В. Зайцевым.

Несколько лет в Секторе работали также: **А. П. Базиянц** (12.12.1919) — позднее сосредоточивший свои научные интересы на изучении истории востоковедения. Им изданы работы: «Лазаревский институт восточных языков (исторический очерк)» (1959), «Азиатский музей — Институт востоковедения АН СССР (1818–1968 гг.)» (1969). В соавторстве с Н. А. Кузнецовой и Л. М. Кулагиной — «Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения» (1973); «Над архивом Лазаревых» (1982). Перу А. П. Базиянца принадлежит также книга о выдающемся русском ученом-тюркологе В. А. Гордлевском (1979).

Экономико-демографическими проблемами Турции ряд лет занимался **Г. И. Старченков** (29.03.1929), перешедший позднее на преподавательскую работу в невостоковедные вузы. Им были изданы работы: «Проблемы занятости и миграции населения Турции» (1975); «Трудовые ресурсы Турции (демографический, экономический и социальный аспекты)» (1981); «Трудовая миграция между Востоком и Западом. Вторая половина XX столетия» (1997); а также ряд статей и разделов в коллективных монографиях и справочниках.

С Сектором Турции дружеские отношения поддерживал авторитетнейший историк-тюрколог послевоенного времени **Анатолий Филиппович Миллер** (1901–1973). Как профессор Московского университета он был учителем и научным наставником многих сотрудников Сектора (о нем см.: «От Стамбула до Москвы». Сборник статей в честь 100-летия профессора А. Ф. Миллера (2003).

Принимали участие в работе Сектора **Борис Моисеевич Данциг** (историограф, автор работ «Изучение Ближнего Востока в России (XIX — начало XX в.)» (1968); «Русские путешественники на Ближнем Востоке» (1965); «Ближний Восток в русской науке и литературе» (1973) и **Владимир Васильевич Цыбульский**, ряд лет возглавлявший Отдел Ближнего и Среднего Востока. В последние годы его научные интересы были сосредоточены на изучении вклада в российскую историографию Турции В. В. Чихачева, российского путешественника, публициста, разведчика и исследователя второй половины XIX века.

7. В. А. ГОРДЛЕВСКИЙ И ЕГО МЕМОРИАЛЬНЫЙ КАБИНЕТ-БИБЛИОТЕКА

Востоковед-тюрколог, ученый широчайшего диапазона знаний, педагог, мыслитель, путешественник Владимир Александрович Гордлевский родился 27 сентября (7 октября) 1876 г. в крепости Свеаборг (Финляндия) в семье военного чиновника-делопроизводителя крепостного батальона. Учился в русской гимназии в Гельсингфорсе, где и получил среднее образование в 1895 году. Интерес к скандинавским, финно-угорским языкам и сюжетам фольклора и литературы найдет воплощение в последующих трудах, а проживание в многоязычном городе Гельсингфорсе сделали его полиглотом.

Однако филология северных народов интересовала юношу Гордлевского гораздо меньше, чем языки и культура Востока.

Высшее образование будущий востоковед получил в Москве, переехав туда в 1895 году, окончив Специальные классы Лазаревского института восточных языков, что располагались в Лазаревском переулке.

Основателями этого учебного заведения была семья Лазаревых (Лазарь Назарович — отец и мать — Анна Овагимовна, сыновья — Ованес, Минас, Хачатур, Овагим и дочь Анна), в середине XVIII века переехавшая в Россию из Ирана, сначала обосновавшаяся в Астрахани, затем перебравшаяся в Москву и Петербург, где возглавляла армянские диаспоры. Семья была очень богата, владела шелковыми мануфактурами и горнозаводскими предприятиями.

Лазаревы были людьми широких взглядов, общественных интересов, жертвовали средства на строительство церквей, на сооружение и содержание школ.

В 1758 году Лазарь Назарович Лазарев купил в Москве дом и земельный участок между улицами Мясницкой и Маросейкой, в Артамоновском переулке*, позднее он был переименован

* В XVII веке в этом районе обосновался на жительство крупный государственный деятель Артамон Матвеев, потому-то переулок и назывался Артамоновский.

в Армянский. Родственники семьи Лазаревых уже в XIX веке скупили земли и дома в этой местности. По традиции свое новое название переулочек получил после сооружения здесь армянской церкви, но еще более широкую известность он приобрел благодаря Институту восточных языков.

Деньги на постройку здания института ассигновал Иван Лазаревич Лазарев. Первые ученики были приняты в 1815 году.

Учебный план предусматривал помимо обычного курса русских гимназий, в частности русского языка и литературы, преподавание армянского языка, а также изучение восточных языков. Среди учащихся были и армяне и русские. В среде преподавателей учебного заведения были профессора Московского университета. Авторитет института быстро стал очевиден. В 1829 году появилась своя типография, где печатались тексты на 13 европейских и восточных языках, в частности на турецком и персидском. Вскоре был налажен выпуск учебной литературы, издание памятников, переводов, научных исследований. Лазаревским институтом издавались серия «Труды по востоковедению», выпуски «Этнографического фонда имени Н. О. Эмина», «Древности восточной комиссии» и др.

В библиотеке Лазаревского института было собрано более 40 тыс. книг; кроме печатной литературы здесь хранились и коллекции манускриптов на арабском, турецком, персидском, армянском языках. Источники изучались, издавались, вводя в научный оборот новые сведения по истории и культуре народов Ближнего, Среднего Востока и Закавказья.

На базе Лазаревского института усилиями профессуры и ученых Московского университета сложилась московская школа востоковедения. В институте предметом обучения и изучения были: арабский, персидский, турецкий, языки Закавказья (азербайджанский, армянский, грузинский), монгольский, узбекский.

В институте** в разное время преподавали Ф. Е. Корш, В. Ф. Миллер, А. Е. Крымский, Л. З. Мсерианц, А. Н. Веселовский и др. Как ука-

** После переворота 1917 года началась реорганизация Лазаревского института. Декретом Совнаркома РСФСР от 4 марта 1919 г. на базе Института Лазаревых короткое время функционировал Армянский институт, затем названия изменялись следующим образом: Лазаревский переднеазиатский институт, Центральный институт живых восточных языков (ЦИЖВЯ), наконец — Московский институт востоковедения (МИВ). Ныне в этом здании находится Посольство Армянской Республики, а до 1978 года — в продолжение научной традиции — располагался Институт востоковедения Академии наук СССР.

зывалось выше, студентом именно Лазаревского института восточных языков В. А. Гордлевский стал в 1895 году. Вероятно, выбор этого учебного заведения определил стремление молодого человека изучить как можно большее количество языков различных лингвистических групп. В процессе обучения, занимаясь в основном историей, культурой и языками народов Ближнего Востока, Гордлевский не оставлял вне поля зрения языки финно-угорской группы. Доказательством этого служит наличие большого числа литературы на финском языке в библиотеке ученого. Финский фонд его библиотеки, к сожалению, до сих пор не описан библиографами из-за отсутствия соответствующих специалистов.

В годы обучения В. А. Гордлевского в Специальных классах Лазаревского института учебная программа предусматривала изучение учащимися различных языков, литературы, культуры народов стран Ближнего Востока. Велось раздельное обучение теоретических курсов и практических занятий — разговорной практики при изучении арабского, персидского и турецкого языков.

Гордлевский окончил обучение в Специальных классах в 1899 году. Темой его дипломной работы явился «Обзор турецких сказок по сборнику Игнатия Куноша» — венгерского востоковеда, который в 1887–1889 годах в Будапеште издал 3 тома текстов турецких сказок, песен, загадок, сюжетов народного театра Карагёз и перевел все тексты на венгерский язык.

Выпускник Лазаревского института Гордлевский готовил себя не к дипломатической работе, его привлекала научно-педагогическая деятельность. Стремясь приобрести необходимые навыки, он продолжил обучение на историко-филологическом факультете Московского университета, хотя в учебной программе этого факультета истории Востока отводилось весьма небольшое место.

За годы обучения в университете сформировался образованный, владеющий научными навыками начинающий ученый, систематически публиковавший первые научные статьи в журналах «Этнографическое обозрение», «Русская мысль», «Русские ведомости». Публикации касались не только сюжетов по тематике Востока, но и содержали заметки о культуре Финляндии и Швеции.

Молодой ученый совершенствовал не только теоретические знания, он активно проводил полевые исследования во время научных командировок в страны Востока.

Его первой, скорее познавательной поездкой на Восток была студенческая экскурсия в Стамбул в 1903 году. Второй стала уже научная командировка в Турцию и Сирию в 1904–1907 гг. Здесь молодой

исследователь начал собирать богатейший научный материал — основу будущих трудов. Кроме того, в 1907 году Гордлевский еще посещал лекции в «Коллеж де Франс» в Париже.

Во время Первой мировой войны, летом 1916 года, молодой исследователь в качестве военного переводчика и корреспондента газеты «Русские ведомости» принимал участие в военных операциях на Кавказском фронте. Кроме этого, он предпринимал усилия к отысканию в хаосе военных действий ценных рукописей, с целью их сохранения и дальнейшего изучения. Ему это удалось, он привез с фронта более 30 турецких рукописей, ценнейшие из них по истории сельджукидов. В публикациях Гордлевского о военных операциях того времени ощущается глубокое сочувствие сотням тысяч беженцев и солдат воюющих сторон.

События 1917 года застали В. А. Гордлевского в Уфе, где он очень короткое время по поручению Временного правительства исполнял обязанности попечителя Оренбургского учебного округа. Время было использовано ученым с пользой — он собрал обширную коллекцию башкирского и татарского фольклора, познакомился с местными писателями, публицистами и их творчеством.

За годы Советской власти ученый выезжал в Турцию лишь дважды. В 1926 г. (сентябрь-октябрь) и в 1928 г. (июнь-октябрь). В этих поездках он собирал материал по этнографии, фольклору, современной литературе, средневековой истории, обращая внимание на цеховую организацию труда. В то время научные работы исследователя уже получили признание за рубежом — в 1928 году Гордлевский был избран почетным членом Турецкого исторического общества.

В. А. Гордлевский стал преподавателем турецкого языка в Лазаревских классах в 1907 году, его педагогическая деятельность в стенах этого учебного заведения (неоднократно менявшего наименование) продолжалась более 40 лет. Заняв должность преподавателя, В. А. Гордлевский в первую очередь озаботился пополнением учебных материалов для языковых занятий. Первым пособием им была выбрана книга доцента Восточной академии в Вене Г. Еглички «Практическое руководство для изучения турецкого языка». Начинаящий педагог отнесся к этому пособию очень внимательно, изучил, многое переосмыслил и опубликовал лишь через 8 лет, в 1916 году.

Написанная самостоятельно «Грамматика турецкого языка» вышла из печати в 1928 году. Одновременно издавались статьи по вопросам турецкого языкознания, тщательно аргументированные,

с привлечением богатейшего сравнительного материала. В то же время ученый редактировал учебники, учебные пособия, словари, выступал научным руководителем аспирантов и соискателей докторских степеней.

Не осталась без внимания ученого и литература Турции. Первой книгой явилось его исследование «Очерки по новой османской литературе» (1912), как пособие для ее изучения, в сравнительном анализе с русской и зарубежной литературой.

В книге рассматривался временн ы период конца XIX — начала XX века, приводились биографические сведения об авторах, их творческие искания, особое внимание было уделено подробному анализу творческого наследия Мехмеда Намыка Кемалья.

В последующие годы (1923–1925) издавались хрестоматии, содержавшие османские фольклорные тексты, а также политико-общественно-социально-экономические, географо-этнографические статьи.

Ученый выступал не только как исследователь, но и как популяризатор, публикуя переводы произведений турецких авторов, снабжая их в то же время аналитическим предисловием, а также переводил на турецкий язык произведения Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. М. Гаршина и др.

Не осталось без внимания В. А. Гордлевского и творчество Назыма Хикмета, которого он одним из первых исследователей выделил как фигуру неоднозначную — не только поэта, но и общественного деятеля.

В рамках литературоведения наиболее значительны статьи «Из движения русской литературы на Восток», «Русская литература в Турции».

Однако основная тема исследований В. А. Гордлевского лежит в русле истории средневековой Малой Азии. Более 20 лет, главным образом в 30-е годы, ученый изучал особенности политической и социальной структуры феодального общества, религии, цеховых организаций. Завершением исследования стала монография по истории государства сельджукидов. Это фундаментальное исследование, затрагивающее не только историю Турции, но и Византии, Киликийской Армении, Трапезундской империи. Оно было опубликовано в 1941 году — «Государство Сельджукидов Малой Азии». Далеко не все, что написал академик В. А. Гордлевский, было опубликовано при его жизни, остались готовые рукописи, новые редакции ранее опубликованных работ, в частности «Силуэты Турции». Труд увидел свет уже после смерти ученого. Не оказались реализованными

многие задумки академика В. А. Гордлевского, в том числе исследования о турецком городе, политической, экономической, религиозной жизни Османской империи.

Многолетняя научная и педагогическая деятельность В. А. Гордлевского по проблемам тюркологии выдвинула его в число ведущих востоковедов страны. Еще в 1929 году по представлению академиков В. В. Бартольда, С. Ф. Ольденбурга и И. Ю. Крачковского он был избран членом-корреспондентом АН СССР, действительным членом стал в 1946 году.

В отзыве о его научной деятельности при избрании в академики говорилось, что В. А. Гордлевский — один из лучших знатоков турецкого языка и культуры Турции не только в своей стране, но и за рубежом, исследователь с мировым именем.

Заслуги ученого были высоко оценены государством. Он награжден двумя орденами Ленина (1946, 1953 гг.), орденом Трудового Красного Знамени (1946 г.) и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946 г.).

Все военные годы В. А. Гордлевский не покидал Москвы, вел активную преподавательскую деятельность, в частности в 1942 г. на курсах иностранных языков при Наркомате внешней торговли, а с 1945 по 1950 г. заведовал кафедрами ближне- и средневосточных языков в Институте внешней торговли и Московском институте востоковедения.

Одновременно в течение многих лет В. А. Гордлевский заведовал Сектором Турции в Институте востоковедения АН СССР. История Института востоковедения восходит к 1818 году, когда в составе Академии наук был создан Восточный кабинет, названный вскоре Азиатским музеем, ставший хранилищем восточных рукописей на арабском, персидском, тюркских, китайском языках, ксилографов, книг, ценнейших собраний коллекций П. Л. Шиллинга, Д. А. Хвольсона, Л. П. Фриндменда, В. П. Васильева и многих других ученых-востоковедов, русских дипломатов.

В октябре 1930 года на базе фондов Азиатского музея и функционирующих к тому времени нескольких востоковедных учреждений АН СССР был создан и начал функционировать Институт востоковедения. Во время Великой Отечественной войны часть института была эвакуирована в Среднюю Азию. После войны некоторые ученые переехали в Москву. Летом 1950 года Президиум АН СССР принял специальное постановление, на основе которого Институт востоковедения был переведен из Ленинграда в Москву, позднее, в 1957 г., при институте было организовано специальное Издательство

восточной литературы. Именно здесь в московском Институте востоковедения АН СССР в качестве заведующего сектором до конца своих дней трудился В. А. Гордлевский. После его смерти постановлением Бюро Отделения исторических наук Академии наук СССР была создана редакционная коллегия по изучению научного наследия В. А. Гордлевского. Первым ее председателем был профессор Е. Э. Бертельс, а после его смерти профессор Н. А. Баскаков. Труд участвовавших в комиссии коллег и учеников В. А. Гордлевского — Ш. С. Айлярова, Л. О. Алькаевой, В. А. Аракина, М. А. Гасратяна, Н. Г. Киреева, Б. А. Каррыева, А. А. Кямилевой, Е. Ф. Лудшувейта, Л. А. Орнатской, Ф. А. Салимзяновой, А. М. Шамсутдинова был завершен изданием четырех томов избранных сочинений академика:

- Том I. Исторические работы. М., 1960. 552 стр.
- Том II. Язык и литература. М., 1961. 559 стр.
- Том III. История и культура. М., 1962. 588 стр.
- Том IV. Этнография, история востоковедения, рецензии. М., 1968. 612 стр.

Каждый том снабжен вступительной статьей, примечаниями и указателем.

Научная биография В. А. Гордлевского составлена сотрудником Института востоковедения А. П. Базиянцем, опубликована в 1979 году в серии книг «Русские путешественники и востоковеды». Работа снабжена библиографией опубликованных работ ученого.

После смерти В. А. Гордлевского в 1956 году, по его завещанию, Институт востоковедения АН СССР получил на хранение обширную библиотеку ученого, а в 1958 году по решению Президиума АН СССР в институте был создан Мемориальный кабинет-библиотека им. академика В. А. Гордлевского.

Фонд библиотеки Мемориального кабинета содержит 10 тыс. единиц хранения. В основном это литература по истории отечественного востоковедения, по истории, филологии, этнографии Турции и тюркоязычных народов. Кроме книг, журналов, статей, в библиотеке собраны фотоальбомы, географические атласы, оттиски научных статей и небольшая этнографическая коллекция, в ее экспозицию входят этнографические и культовые предметы, собранные В. А. Гордлевским во время его путешествий по Востоку. Помимо научной, в фонде библиотеки имеется и художественная литература, в том числе издания издательства «Academia» и собрание поэтических сборников поэтов Серебряного века. Многие книги, подаренные академику авторами, имеют автографы.

На весь фонд литературы кабинета имеются алфавитный и систематический каталоги. Фонд кабинета отражен в общих каталогах библиотеки Института востоковедения. Первым хранителем библиотеки, много сделавшим для ее научного описания, был Н. Г. Киреев, ныне профессор, доктор экономических наук. Вторым хранителем была библиотекарь В. И. Хатанзеева.

С 1967 года и до настоящего времени кабинетом заведовала кандидат исторических наук Ю. А. Ли.

Время от времени фонд Мемориальной библиотеки пополняется. Много лет существует традиция — туркологи Сектора Турции, сотрудники различных подразделений Института востоковедения, востоковедных учебных и научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, городов России и республик бывшего СССР дарят в фонд библиотеки экземпляры своих публикаций. В 70–80-х гг. прошлого века из Турции периодически поступали статистические справочники, в том числе ежегодники, которыми широко пользовались и продолжают пользоваться ученые-экономисты. К сожалению, после распада СССР подобные поступления стали редкими.

Но бывают и счастливые исключения. Во время Международной конференции «Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы» (Москва, апрель 2001 г.) в одном из докладов прозвучал мотив сожаления, что в России отсутствуют специалисты по культуре Турции. Имеется лишь одна книга сотрудника Эрмитажа Ю. А. Миллера «Искусство Турции», изданная в Ленинграде в 1965 году.

Турецкая сторона в лице участников конференции, профессоров турецкого университета Билькент, проявила инициативу, и кабинет В. А. Гордлевского получил несколько посылок с книгами по искусству Турции, в том числе исследования по живописи, скульптуре, архитектуре, керамике, росписи по тканям, народным ремеслам — более 100 экземпляров.

Дарителем является организация, созданная в 1992 году при Министерстве иностранных дел Турции — «Агентство по тюркскому сотрудничеству и развитию» (ТІКА), которая осуществляет связи Турции с тюркоязычными странами СНГ в области экономики, культуры, образования и туризма.

По той же инициативе фонд Мемориальной библиотеки имени академика В. А. Гордлевского пополнился двумя многотомными энциклопедиями: «Энциклопедия ислама» и «Османская энциклопедия».

К большому сожалению, до сих пор культура Турции в России изучается слабо. Молодые специалисты, работающие в Музее восточных культур, еще только входят в курс дела.

В течение всего периода деятельности Мемориального кабинета-библиотеки на общественных началах функционирует тюркологический семинар. В задачу семинара входит обсуждение разнообразных вопросов истории, экономики, литературоведения, языкознания как зарубежных тюркских народов (турки, уйгуры), так и народов СССР (азербайджанцы, узбеки, казахи, туркмены, киргизы). В проводившихся до начала 90-х годов ежемесячных заседаниях тюркологического семинара регулярно участвовали, кроме сотрудников академических институтов — Института языкознания, Института истории, Института этнографии и др., преподаватели и сотрудники Московского университета, Института международных отношений, Педагогического института (тогда им. В. И. Ленина), Государственной Публичной библиотеки, сотрудники радио и телевидения России, журналисты, аспиранты, студенты и все интересующиеся вопросами тюркологии. Частыми гостями семинара были научные сотрудники и преподаватели вузов других республик и городов СССР, ученые, приезжавшие из республик Закавказья и Центральной Азии.

На заседаниях и семинарах читали доклады и сообщения академик Польской академии наук А. А. Зайончковский, профессор Софийского университета Г. Д. Гылыбов, болгарские специалисты по тюркскому фольклору и литературе Р. М. Молов и И. Татарлы, историки В. Мутафчиева, Н. Тодоров, Б. Цветкова и другие ученые.

Гостями и активными участниками семинара бывали турецкие политические деятели, журналисты, ученые, писатели, в том числе Яшар Кемаль, Азиз Несин, Халдун Танер, историки Ф. Р. Унат, А. С. Левенд и др. ректоры и преподаватели университетов Турции.

Частым гостем Сектора Турции бывал Назым Хикмет, он активно участвовал в заседаниях турецкого семинара, был почетным доктором Института.

Регулярно на семинарах ставились отчеты и доклады о международных конгрессах, симпозиумах, а также и о научных поездках и командировках как в Турцию, так и в другие страны.

Из сообщений, вызвавших особенно оживленное обсуждение, были доклады А. Ф. Миллера «Вопросы истории Турции на Стокгольмском историческом конгрессе», «Об участии советской делегации на VI Турецком историческом конгрессе в Анкаре», «О контактах с болгарскими и румынскими историками Турции», «О работе международной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной

Европы», «Тюркологическая проблематика на XXVI Международном конгрессе востоковедов в Дели»; сообщения А. Ф. Миллера, А. С. Тверитиновой, Б. М. Данцига, Э. Гасановой об участии в работе Первого международного конгресса по балканистике в Софии; доклады А. С. Тверитиновой о структуре востоковедных научных учреждений в Венгрии, об исследовании рукописных документов-источников средневековой Турции — Л. Фекете и его группой и др.; доклады А. Н. Кононова, сообщения П. П. Моисеева, Н. Г. Киреева, Г. А. Горбаткиной, С. Ф. Орешковой, Р. Г. Фиша о поездках в Турцию и многие другие.

Проводились мемориальные заседания семинара. Среди них, в первую очередь, следует упомянуть даты 90-летия и 100-летия со дня рождения В. А. Гордлевского, на которых с воспоминаниями выступали его ученики: Л. О. Алькаева, В. Д. Аракин, Н. А. Баскаков, Б. М. Данциг, А. А. Жданова, К. М. Любимов и др. После последней даты в кабинете-библиотеке появился большой портрет В. А. Гордлевского и мраморная памятная доска. Проведено заседание памяти В. Ф. Минорского, где с воспоминаниями о нем выступали его коллеги и вдова ученого — Т. А. Минорская.

Из научных докладов, заслушанных и обсужденных на семинаре, следует отметить некоторые.

По истории, экономике и философии: А. С. Тверитинова «К вопросу о развитии форм земельной собственности в Османской империи» и «Издание турецких документов и источников за последние 20 лет в Турции и Европе»; Фаик Рашид Унат (Турция) «Об исторических архивах в Турции»; Сари (Турция) «Музеи и архивы Турции».

По литературе: Назым Хикмет «О новых произведениях», Р. М. Моллов (Болгария) «Из истории турецкой литературы», А. Бабаев «Новейшие направления турецкой поэзии», Б. А. Каррыев «О туркменском эпосе», Е. И. Маштакова «Об издании книги “Анекдоты Ходжи Насреддина”».

По языкознанию: Н. А. Баскаков «Караимы и их язык», «О морфологической структуре слова в тюркских языках», «Русские фамилии тюркского происхождения», «О турецкой терминологии»; К. М. Любимов «Система падежей в турецком языке»; В. А. Аракин «Русские заимствования в якутском языке»; А. А. Зайончковский «Новая находка по кыпчакской лексикографии».

В последние годы гостями семинара в числе прочих бывали турецкий ученый, профессор Ильбер Ортайлы — неоднократно, доктор Барбара Кильнер-Хенкеле — директор Института тюрколо-

гии Свободного университета (Берлин), профессор Мюнхенского университета Сюррейа Фаррохи и др.

На семинарах регулярно обсуждаются доклады — отчеты ученых-туркологов, принимающих участие в международных конгрессах, симпозиумах, научных поездках в Турцию и другие страны.

Особое оживление вызвали отчеты делегации Российской академии наук о работе XI Исторического конгресса в Турции, посвященного 500-летию установления межгосударственных отношений России и Турции. Интересным и содержательным было сообщение Д. Д. Васильева об обсуждении на XII Историческом конгрессе киргизского эпоса «Манас», а также отчеты о зарубежных командировках Г. А. Горбаткиной и С. Н. Утургаури на Международный симпозиум писателей в Дюссельдорфе, сообщение о семинаре по народной турецкой литературе, о V Международном конгрессе по изучению культуры тюркских народов.

По современной тематике особый интерес вызвали доклады О. И. Жигалиной «Курдская проблема в странах Ближнего и Среднего Востока», М. С. Аксененко «Исторический опыт Турции и современная эволюция России», Э. С. Кульпина «О современном положении в Крыму, по материалам полевых исследований».

В докладе Н. Ю. Ульченко «О российско-турецких соглашениях по поставке газа из бывшего СССР в Турцию» были проанализированы новые аспекты соглашения, особенности оплаты и механизмы перечисления средств. Она же выступала с докладом «Национальные интересы России и стабилизация обстановки в республиках Центральной Азии и Закавказья».

Всегда вызывали интерес тематические доклады, в частности сообщение многолетнего турколога-редактора М. И. Штемпеля (ныне покойного) о марках Турции; М. С. Мейера о находках Шлимана и судьбе его коллекции (докладчик выступал экспертом российской стороны на месте раскопок). Новым по тематике и интересным по привлеченным материалам оказался доклад С. Р. Изидиновой «Об именах собственных в крымско-татарском языке».

На туркологических семинарах выступали также и коллеги-туркологи из стран ближнего зарубежья. Новейшими архивными материалами относительно суверенной Армении в 1920–1921 гг. поделился Р. В. Казаджян (ИВ АН Армении). Интересными были доклады Дусмамат Кулматова (Узбекский государственный университет, г. Термез) «Толмачи и переводчики Посольского Приказа XVI–XVII вв.». Р. А. Шайхиев и Р. М. Валиев (Казанский универси-

тет) рассказывали о своих исследованиях в области ислама, его распространения в Республике Татарстан.

До начала 90-х годов наибольший интерес вызывали сообщения туркологов, посещавших страну изучения, так как подобные контакты были чрезвычайно редки. Не оставались без внимания любые поездки в Турцию. На заседания семинара приглашались дипломатические работники, вернувшиеся из страны, журналисты, актеры.

Сейчас возможности контактов значительно расширились. Туркологи-историки, экономисты, литературоведы постоянно получают приглашения участвовать в научных форумах как в Турции, так и в других странах. Но контакты вновь затруднены, уже не по идеологическим соображениям, а из-за отсутствия финансовых средств как в институте, так и у его сотрудников.

По той же причине резко сократилось количество семинаров, наши коллеги из тюркоязычных стран СНГ также финансово не обеспечены. Кроме того, по естественным причинам количество ученых-туркологов год от года сокращается. Молодое поколение видит свое будущее в практической деятельности, научная стезя, к сожалению, его мало привлекает.

В Институте востоковедения РАН память об академике В. А. Гордлевском живет в использовании его книжной коллекции и бережно сохраняемой и в деятельности научного туркологического семинара, собирающегося, правда, теперь не так часто, как прежде, и с гораздо меньшим числом участвующих.

8. НЕКОТОРЫЕ ЛИЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ АВТОРОВ О ЖИЗНИ СЕКТОРА ТУРЦИИ И ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В 1956 г. на очередном съезде КПСС А. И. Микоян произнес знаменательную для востоковедов фразу: «Восток уже проснулся, а Институт востоковедения все еще спит». Мы, тогдашние студенты, почувствовали, что, кажется, грядут какие-то изменения. Тогда много говорили о наших связях с Индией. Были визиты советского руководства в эту страну, в прессе раздавались голоса о том, что необходимо расширение индологического образования. Мы, туркологи, где-то в глубине души тоже начинали надеяться, что и перед нами забрежат какие-то перспективы.

Дело в том, что, хотя Восточное отделение в Московском университете функционировало уже второе десятилетие, его студентам усиленно внушали (по крайней мере, в 50-е гг. XX в.), что университет готовит прежде всего учителей средней школы, и, получив образование, они обязаны 2–3 года проработать где-то в сельской школе преподавателями истории. На истфаке МГУ говорили главным образом о перспективе отправиться в алтайскую глубинку (именно туда было наиболее массовое распределение в годы, предшествующие периоду, о котором пойдет речь далее), в ЛГУ — об отъезде в Среднюю Азию. Для москвичей и ленинградцев такое распределение было к тому же чревато потерей прописки, так как возвращение в столицу было бы для них потом проблематичным. На комсомольских собраниях звучали погромные речи о неких «приспособленцах»-москвичах, которые не хотят ехать работать в школы, а надеются остаться в Москве и учиться в аспирантуре. Даже университетские преподаватели и работники деканата предупреждали, особенно первокурсников, что для нас востоковедение будет лишь неким хобби и школой научной работы. На востоковедном материале студенты должны приобщаться к науке, приобрести навыки научной работы (а эти навыки, подчеркивалось, обязательны для университетского образования, отличающегося от образования, даваемого другими учебными заведениями).

При этом университет не обещал, однако, что после окончания учебы его выпускники сумеют найти возможность заниматься наукой в будущем. Собственно говоря, так и было. Для многих студентов-востоковедов занятие Востоком оказывалось несбывшейся мечтой. То же, между прочим, произошло с большими наборами студентов-туркологов (до 50 человек на курс), осуществлявшимися в послевоенные годы в Московском институте востоковедения. Они растворились в среде советской интеллигенции и чиновничества, занимаясь чем угодно, только не востоковедением.

И вдруг произошли изменения. Вернувшись с практики в Средней Азии (там студентов в течение 1,5 месяцев приобщали к Востоку), мы узнаем, что создается Восточный институт, туда вливается и Восточное отделение истфака. Им стал тот самый ИВЯ, о котором уже шла речь. Направленность этого заведения была совсем иной, чем на истфаке. Восточный язык и восточные дисциплины становятся уже не хобби, а возможностью заниматься наукой и практической деятельностью в этой области.

Расширился и Институт востоковедения АН СССР. У него появился новый директор — Бободжан Гафурович Гафуров, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета. В отличие от прошлых директоров — крупных ученых, имевших авторитет в научной среде, новый директор был вхож во властные структуры страны и получил полномочия на активизацию востоковедных исследований и расширение сферы научной деятельности Института. До назначения директором академического института Б. Г. Гафуров был Секретарем ЦК КПСС Таджикистана. Как говорили, он умел в этой сложной республике (а события времен перестройки показывают это) поддерживать порядок и обеспечить экономическое и культурное развитие. Он имел степень доктора исторических наук, был автором ряда работ по истории Таджикистана, что позволило ему стать и функционером от науки. Этот по-восточному мудрый человек сумел найти подход к непростому коллективу востоковедов. Он никогда не шел на какие-то большие конфликты, более того, умел не допустить выхода за дозволенные тогдашней идеологией рамки все дискуссионные проблемы. Позднее, уже в 80-е годы, когда в научной среде появились так называемые «подписанты» с критикой советского строя, он сумел защитить тех своих сотрудников, которые были в этом замешаны, от каких-либо громких публичных осуждений, увольнений и т. п., что бывало в других академических институтах. Старшее поколение приняло директора, так как понимало, что он мог защитить институт от каких-то вмешательств «верхов» в научную жизнь (репрессивные

меры правительства, в том числе и против научных кадров, были еще памятны). Младшее поколение увидело, что институт дает им возможность для научной работы. Были какие-то жизненные коллизии, когда научные работники ставились в некие несвойственные и ненужные для них жесткие рамки (о чем мы далее вспомним), но, как правило, они быстро снимались.

Авторы этой работы пришли в институт в 1958 и 1964 гг. Как нам говорили тогда, пришли работать в молодежный коллектив. Действительно, в институт было принято много молодых сотрудников. Создавались новые научные подразделения (Отдел Юго-Восточной Азии, Африки и т. п.), начинали изучаться новые языки и страны. Принимали на работу даже лиц без востоковедного образования, историков, экономистов, филологов. Для них создавались возможности изучать неизвестные им ранее восточные языки. Все это воспринималось недавними студентами с большим энтузиазмом. У них было большое желание приобщиться к востоковедной науке. Перспектива работать в науке была настолько привлекательной, что не смущало даже то, что нас брали тогда на должности научно-технических сотрудников (с зарплатой в 760, а после проведения в скором времени денежной реформы — 76 рублей в месяц). Ну что ж, говорили мы — это в два раза больше, чем стипендия студента, прожить можно. Три года выпускникам предписывался именно такой статус, и лишь после этого разрешалось поступать в аспирантуру. Научно-технический период нашей жизни большинством из нас (несмотря на нищенское материальное обеспечение) вспоминается тепло. Мы помогали старшим товарищам, проверяли их сноски (а у многих из них, особенно приходивших в науку с практической — дипломатической, партийной, государственной работы, с научным аппаратом их подготавливаемых к публикации трудов не всегда был порядок, и наша университетская выучка оказывалась весьма кстати), подбирали какие-то материалы по их заданиям, делали переводы, занимались языками. Такая возможность была предоставлена, а знаний восточных языков нам тогда (после университета) явно не хватало.

Турецкий язык большой группе молодежи (не только из Института востоковедения, но и Института языкознания, издательских работников и др.) преподавала Алла Александровна, как мы ее называли, Алиме Кямилева. Очень приветливая, доброжелательная женщина, крымская татарка, выросшая на той части крымского побережья, где турецкий язык воспринимался как родной. О ней, как рассказывают, очень уважительно отзывался В. А. Гордлевский,

говорил, что у нас нет лучшего знатока турецкого языка, она его чувствует. В трудных случаях перевода он всегда отсылал к ней.

А. С. Тверитинова с небольшой группой (Е. И. Маштаковой, Ф. А. Салимзяновой, С. Ф. Орешковой, а позднее и учившимся в университете румынским коллегой М. Максимом) занималась османским языком. Читали тексты «Образцовых произведений турецкой литературы» В. Д. Смирнова, знакомились с османской палеографией.

Разумеется, в работе научно-технических сотрудников было много досадной рутины, но это была и хорошая школа. Да и жили мы тогда довольно весело. В институте бывали вечера с танцами и, пусть и скромным, застольем. Традиции этих сборищ уходили еще в старые времена Московской группы и потом Института востоковедения, который располагался на Пречистенке (тогда Кропоткинской), в том доме, где сейчас находится Музей А. С. Пушкина. Там на вечерах блистала восточная профессура. Дамы бывали в вечерних платьях. Как вспоминают старшие студенты, оказывавшиеся иногда на этих вечерах, все было строго, красиво и весело. Они, послевоенные студентки, воспринимали эти вечера как некие картинки из иной жизни. В наше время все стало демократичнее. Мэтры, к сожалению, уже ушли из жизни. Но сборища эти все мы вспоминаем с удовольствием. В институте бывали капустники, организовывались экскурсии по старым городам России, тогда еще не объявленным «Золотым кольцом России», не имевшим приличных гостиниц, а часто и штатных экскурсоводов. Представители местной интеллигенции всегда встречали наши приезды с удовольствием, так как любителей таких поездок тогда было не так много. Бывало очень интересно, но порой и грустно, так как многие памятники старины находились в полном забвении. В институт часто приглашали интересных людей, артистов, писателей, театроведов, журналистов. Бывали А. Райкин, звезды театра Сатиры и «Таганки», Т. и С. Никитины, Б. Окуджава. Особенно вспоминается встреча с А. И. Солженицыным, последняя его встреча с интеллигенцией перед высылкой из страны. Все это воспоминания о разных событиях институтской жизни довольно длительного времени, которые теперь называют концом периода «оттепели» и периодом «застоя». Но это были годы нашей молодости и зрелых лет, предлагаемые обстоятельства, в которых нам довелось существовать. «Времена не выбирают, в них живут и умирают». (Подробнее о культурно-интеллектуальной жизни института в 60–70-х годах XX в. см. статьи И. М. Смилянкой // Восхваление Исааку Моисеевичу Фильштинскому посвящается. М., 2008, с. 27–34.)

Вспоминаются, например, некоторые фразы из отдела юмора стенной газеты и капустников: «когда я после 76 рублей зарплаты стал получать 73 рубля стипендии (аспирантской), я был счастлив». Бывала и более едкая констатация фактов нашей жизни: призыв «хранить свои мысли в головах у начальства» или замечание об одном из руководителей Сектора Индии: «его поддерживают анисовые капли» (Анис Вафа был тогда не профессором как сейчас, а лишь научно-техническим сотрудником).

Научная жизнь института между тем набирала темпы. Было много дискуссий, обсуждений, теоретизирований. Некоторые из них воспринимаются сейчас с недоумением или усмешкой. Но это был наш путь приобщения к науке, попытка преодолеть шоры, которые ставились политикой и тогдашней советской действительностью. Известно, например, что серьезнейший исследователь тогдашней Индии А. И. Левковский первым заговорил о развитии капитализма в Индии. Это было воспринято как некий нонсенс — собственный капитализм в колонии, в отсталой азиатской стране?! Автору пришлось доказывать свою точку зрения на заседании в ЦК КПСС. Логикой, материалом, хорошим знанием теории (в том числе и марксистской) А. И. Левковскому удалось убедить партийное руководство в своей правоте, вписать свою концепцию в его «марксистское» видение состояния Востока, получить разрешение на публикацию книги. Современному читателю такая ситуация может показаться странной и непонятной, но поверьте, что добиться принятия своего видения Индии А. И. Левковскому на рубеже 40–50-х гг. было очень непросто. Возможно, были обвинения в антимарксистских взглядах. Это могло быть чревато не только отстранением от научной работы, но и потерей личной свободы (тем более что он сам происходил из семьи так называемого «врага народа»). Тем не менее научная логика учебного убедила Международный отдел ЦК в его правоте. Изменялась жизненная ситуация и цеховские работники (люди неглупые) чувствовали изменения и необходимость их теоретического осмысления. Потому-то они и стали обращать внимание на востоковедную науку, ожидая от нее помощи. Институт начинает ориентироваться на изучение современности. Не раз вспыхивали разговоры, что классическое востоковедение изжило себя, что институт надо перепрофилировать и т. п. Думается, большая заслуга Б. Г. Гафурова в том, что, поддерживая разговоры о новых задачах востоковедения, он сумел сохранить институт как комплексное, многопрофильное учреждение, где, наряду с изучением современных проблем, продолжали работать

научные подразделения и ученые, исследовавшие древность, средние века, занимающиеся классической филологией и т. п.

Борьба за институт именно как Институт востоковедения продолжалась и позднее. Преемник Б. Г. Гафурова на посту директора Евгений Максимович Примаков не сразу воспринял специфику института. Его предыдущий опыт журналистской работы и занятие современной политикой, а возможно и указание «сверху», настраивали на реформирование востоковедения, отдать языковедческие, литературоведческие и исторические подразделения соответствующим институтам Академии наук, отбросить «шелуху» классического востоковедения. В одном из разговоров директор бросил даже фразу, что все отстоящее от современности более чем на десять лет его не интересует. События на Востоке, однако, спасли и институт, и, как нам представляется, возможную репутацию Е. М. Примакова как губителя востоковедения.

Произошла исламская революция в Иране. Политические аналитики не только в СССР, но и в Европе и США, ее не только не предвидели, но и на первых порах не могли понять. Ислам, аятолла Хомейни казались неожиданным всплывшими из средневековой бездны. В этих условиях истории института начали подавать руководству аналитические записки, объясняющие происходящее. События в Иране, Афганистане и других странах Востока оказались необъяснимыми без знаний их исторических корней. Восток и востоковедение доказали свою нужность даже политической аналитике. Е. М. Примаков, как человек умный и имеющий востоковедное образование, это сразу же почувствовал, сумел оценить и специфику института, и необходимость накопления востоковедных знаний. Пребывание его на посту директора Института востоковедения АН СССР оказалось недолгим, но ярким и запомнившимся. Начнем с того, что институт переехал в новое здание. Пребывание его в здании бывшего Лазаревского института, к сожалению, закончилось. На здание претендовало Постпредство Армянской республики (оно и ранее занимало одно его крыло), намереваясь организовать в нем армянский клуб. Для института Постпредство присмотрело здание на ул. Жданова (ныне Рождественка), которое обещало отремонтировать. На переезд был вынужден согласиться еще Б. Г. Гафуров, но ремонт шел медленно и не очень качественно. Лишь вмешательство Е. М. Примакова и, очевидно, полученная им государственная помощь помогли закончить ремонт. Одна часть здания была отремонтирована и отделана вполне прилично, другая (не завершенная в примаковский период) так и осталась без приличной внутренней

отделки. Началась «перестройка». Институту стало не до ремонта. Чтобы выжить, он вынужден сейчас сдавать часть своего помещения другим организациям.

С именем Е. М. Примакова связано и то, что сотрудники института стали получать денежную надбавку к зарплате за знание восточных языков.

Однако главное было, конечно, не только в этих материальных изменениях. Институт жил тогда очень активной интеллектуальной жизнью. Было много дискуссий, так называемых ситуационных анализов, касающихся той или иной страны. Это было интересно, и хотя касалось главным образом текущих событий на Востоке, но вовлекало в активность и других специалистов института. Сам Евгений Максимович был ярким аналитиком, умел поставить вопрос, подвести итоги, сделать обсуждение живым, информативным, будящим мысль и направляющим исследование проблемы в более глубокое русло.

Проведение конференций, обсуждение дискуссионных проблем не было в новинку для института. Новым при Примакове стало то, что установилась более тесная связь с так называемыми «директивными органами» и направленность обсуждений именно на те проблемы, которые эти органы интересовали. Вообще-то и раньше и позже в институте коллективно обсуждались проблемы капитализма и госкапитализма на Востоке, аграрные отношения, внешнеполитическая ситуация, различные филолого-литературоведческие проблемы.

Для одного из авторов этого обзора близка проблема средневековой и новой истории. Так вот хочется отметить, что и эти проблемы не стояли вне дискуссий, которые шли в институте. Еще в конце 50-х годов возник так называемый семинар по феодализму. Первоначально это был семинар в сети партийного просвещения. В одном из недавних выступлений, где я (С. О.) говорила об этом семинаре, мне было сделано замечание, что молодежи сейчас надо объяснять, что такое партпросвещение. Так вот в советское время все, от рабочего до академика, должны были изучать пропагандистские материалы, исходившие от коммунистической партии: решения съездов, пленумов, различные постановления, речи партийных лидеров, а раньше «Краткий курс» истории КПСС, автором которого считался И. В. Сталин. В таких семинарах положено было участвовать всем сотрудникам института. Один из них удалось объявить направленным на изучение марксистского видения того, что в истории называется феодализмом. Руководить семинаром взялась А. С. Тверитинова,

человек в институте уважаемый и в научных, и в партийных кругах. Молодежь же, увлеченная этой проблемой, активно включилась в работу, которая поначалу была организована следующим образом: приглашался кто-то из ведущих специалистов по западному феодализму. Члены семинара рассказывали о структуре того восточного общества, которое они изучают. Далее шло обсуждение, выяснялось, насколько эта структура подпадает под то понимание феодализма, которое было принято в советской науке. На первый взгляд это был несколько начетнический подход к проблеме, но члены семинара были искренни в своем желании познать изучаемую страну, пытались не замаскировать, а выявить факты несовпадения общественных структур, установить особенности тех обществ, которые они изучали. Постепенно тематика расширялась, в обсуждение включались не только социально-экономические проблемы (хотя они все-таки преобладали), но и проблемы философии, культуры, политэкономической теории. Постепенно семинар приобретал чисто научный характер. Сказывалась некая либерализация науки, не надо было уже прикрываться сетью политпросвещения. Новым руководителем семинара стал индолог Л. Б. Алаев, который с самого начала существования этого объединения был, по сути дела, его зачинателем и инициатором обсуждения тех вопросов истории Востока, которые не вписывались в «марксистское» понимание исторического процесса (в частности, его любимой темой была история индийской общины). Был организован ряд широких обсуждений проблем формационного развития, распространялись анкеты, призванные выявить общее и особенное в развитии Востока и Запада. Четко выявлялось, что Восток требует новых теоретических историософских подходов, которых не давал советский «марксизм».

Это чувствовали все — и занимавшиеся глубоко историей и современностью, и рядовые исследователи, и руководители науки, и даже те лица, которые осуществляли партийный контроль за наукой. Делались попытки найти у К. Маркса и Ф. Энгельса что-то, что позволило бы выйти за рамки привычных «марксистских» схем. Заговорили об «азиатском способе производства», о некапиталистическом пути развития и т. п. В 60–80-е годы востоковеды оказывались некими возмутителями спокойствия. Их выступления на всех общеакадемических и вузовских конференциях, оглашение конкретного восточного материала, как правило, нарушали все теоретические построения. «Марксизм» трещал по всем швам. Констатация этого факта — объективная реальность, но отнюдь не выпад против марксизма. Он во многом обогатил и обогащает нашу науку.

Даже в упрощенном советском понимании марксизм (которое в этой работе заставляет авторов ставить этот термин в кавычки) расширял тематику востоковедных исследований, заставлял большее внимание уделять социально-экономическим исследованиям, накапливать материал по этой проблематике. Это, бесспорно, положительно. Но идеологические шоры явно присутствовали и, более того, становились препятствием для развития нашей науки.

Говоря о развитии востоковедения в советское время, нам представляется, можно употребить выражение, использованное в свое время Ф. Флоровским в отношении теории евразийства: «Это правда вопросов, но не правда ответов». Вопросы ставили в тупик советских теоретиков, ответы далеко не всегда предусматривали однозначность. Объективность требовала рассматривать объект исследования с разных сторон, используя разные методы изучения, видя его противоречивость. Вот этих-то многообразных подходов востоковедению и не хватало.

Жизнь научного учреждения в советское время ставила порой перед сотрудниками проблемы, которые в настоящее время кажутся абсурдными. Например, попытки администрации контролировать ежедневную работу сотрудников. Существовало предписание сообщать ежедневно, где ты сегодня работаешь. Причем указать, что ты работаешь дома, считалось недозволенным. Необходимо было написать в книге регистрации, что ты находишься в определенной библиотеке или другом научном учреждении, архиве и т. п. Временами устраивались рейды-проверки, там ли находится сотрудник, где он указал свое местонахождение. На одном из собраний института один из заместителей директора по хозяйственной части выступил с тирадой, которая потом передавалась среди востоковедов как анекдот: «Я проверял, что из того числа книг, которые имеются в нашей институтской библиотеке, сотрудники больше половины за весь прошлый год не запрашивали. Им есть что читать в Институте, почему же они говорят, что им необходимо работать в других библиотеках и, более того, получать постоянные библиотечные дни».

Конечно, подобные эксцессы бывали редкостью. Но существовала доска с номерками, которые, приходя в институт, сотрудник обязан был перевесить на другую сторону, и молодая девушка, которая ровно в 10 часов закрывала эту доску, чтобы никто из научных сотрудников не мог скрыть свое даже пятиминутное опоздание. Помнится, как ученый с мировым именем Ю. Н. Рерих писал в дирекцию объяснение-оправдание (вывешенное затем на институтской доске объявлений) того, что одна из его сотрудниц, Е. Семека, уходила на несколько часов

из института, так как должна была передать в издательство какую-то работу их сектора. Он сожалеет, что она не отметила свой уход в регистрационном журнале, но просит считать ее отсутствие в институте уважительным. В Секторе Турции также была скандальная история с нашей сотрудницей, специалистом по истории турецкой литературы Л. О. Алькаевой. Это была деликатнейшая и интеллигентнейшая женщина, к тому же утонченная восточная красавица. Во время войны, окончив до этого Восточный факультет Ленинградского университета, она работала в корреспондентском пункте ТАСС в Турции. Ее яркая восточная внешность помогала ей проникать на все интересные ТАСС закрытые заседания турецкого меджлиса. Она заговаривала с кем-то из депутатов (а турецкий язык у нее был прекрасный) и ее пропускали, принимая за его дочь или спутницу. Такой женщине нельзя было ни в чем отказать или в чем-то ее заподозрить. Вот она-то и попала у нас в институте в шумный скандал, так как попыталась перевесить номерок Акпера Бабаева, замечательного литературоведа и переводчика, но человека богемного, которого добрейшая Лейла Османовна хотела спасти от дисциплинарного взыскания за опоздание на работу. И ведь речь в данном случае шла не о каких-то начинающих трудовую деятельность мальчишках и девочках, а об уважаемых сложившихся ученых-специалистах.

Все эти дисциплинарные репрессивные игрушки околонучной бюрократии были абсолютно неуместны и неумны, потому что большая часть сотрудников института жила тогда в тяжелых условиях коммунальных квартир, с семьями и часто маленькими детьми в одной, редко двух комнатах. Для них институт и рабочий стол в нем были единственным и желанным рабочим местом. Иметь собственный большой стол, чтобы разложить на нем свои бумаги, поставить картошку (компьютеров тогда не было) было мечтой, которую многие научные сотрудники далеко не сразу могли претворить в жизнь. В Секторе Турции, например, без всякого административного принуждения сотрудники с удовольствием работали именно в помещении института. Создание в 1958 г. Мемориального кабинета-библиотеки им. академика В. А. Гордлевского позволило Сектору получить довольно большой зал для размещения книг, и обстановка там была самая что ни на есть рабочая. Потому-то игры администрации с проверками дисциплины, номерками, уличения в опоздании воспринимались с явным раздражением, хотя и принимались за вынужденную данность. Помнится, на замечание кого-то из молодежи о дисциплинарных проверках: «и зачем взрослые люди играют в игрушки» — умудренный опытом старший коллега заметил: «Глупышка, неужели не

видишь, у нас полстраны играет в игрушки». Мудрость этого замечания, признаемся, мы оценили значительно позже.

До 60-х годов XX в. туркологи в СССР не имели каких-либо связей ни с коллегами из других стран, ни с изучаемой страной. Людей, побывавших в Турции, было очень мало. В Секторе это были лишь литературовед Л. О. Алькаева, историк А. М. Валуйский, лингвист К. М. Любимов. «Железный занавес» был настолько плотным, что даже ученые такого уровня, как академик Гордлевский, могли получать из-за границы лишь отрывочные и порой неточные сведения. Так произошло, например, со слухом о кончине В. Ф. Минорского. Получив это известие, В. А. Гордлевский в январе 1953 г. зачитал на заседании Сектора написанный им некролог. Это, кстати, как вспоминали очевидцы, вызвало в адрес академика упреки партийцев-востоковедов, считавших, что не следует восхвалять эмигранта. Известие о смерти Минорского оказалось ложным, и этот известный иранист на десять лет пережил самого Гордлевского (см.: В. А. Гордлевский. Избранные произведения, т. IV, с. 470–471, 583). Однако проверить дошедшее до него печальное известие В. А. Гордлевский тогда не мог.

До 1960 года единственным турком, с которым встречались члены Сектора Турции, был Назым Хикмет. Этот обаятельный голубоглазый великан интересовал нас не только как замечательный поэт, но прежде всего как живой представитель изучаемого нами народа. Это действительно был интересный человек и большой патриот своей страны. Он очень поощрял наше стремление узнать Турцию. Мы чувствовали, что ему это приятно, он расспрашивал, над чем мы работаем, рассказывал о себе, передал Сектору пишущую машинку с турецким шрифтом, достать такую в Москве было почти невозможно.

В 1960 г. в Москве состоялся 25-й Международный конгресс востоковедов. Впервые мы встретились с иностранными коллегами. Большая делегация ученых приехала и из Турции. Для нас это событие было настоящим прорывом «железного занавеса», окружавшего нашу науку. После этого начали налаживаться научные связи, пусть редко, но начались поездки на научные конференции. Появилась возможность книгообмена. Российская туркология, как и все востоковедение, пусть медленно, но начинало входить в русло нормальных научных контактов с зарубежными исследователями, получать информацию и знакомить их со своими наработками и достижениями. Процесс этот идет медленно. И сейчас еще российская туркология остается во многом для Турции вещью в себе. Более активно пропагандируют себя туркологи-литературоведы. Историки же и экономисты, то есть

сотрудники Сектора Турции, работают в основном для российского читателя. Отдельные переводы книг и статей на турецкий язык были осуществлены лишь по инициативе турецких издателей. Наверно, пришло время создавать совместные российско-турецкие исследования и о связях между нашими странами, и о тех общих проблемах, которые ставит перед нашими народами имперское прошлое. Сил, однако, с российской стороны для этого мало. В туркологию нужен приток молодых кадров.

Не складываются, к сожалению, и контакты с Турецким Историческим обществом (ТТК). В конце 90-х годов, в трудное для нашей науки время, между Институтом востоковедения РАН и ТТК было подписано соглашение о нескольких совместных работах. В частности, в соответствии с этим соглашением М. С. Мейером и С. Ф. Орешковой были подготовлены для публикации материалы донесений первого российского постоянного посла в Османской империи П. А. Толстого за 1702–1704 гг. Это было время, когда посол знакомился со страной пребывания и боролся за признание своего статуса постоянного представителя России при султанском дворе. Эти материалы содержат интересное описание Османской империи, ее государственного устройства, отношений между различными имперскими территориями, персональные характеристики тогдашних турецких государственных деятелей, посольского корпуса, торгово-экономических проблем империи и многого другого. Была договоренность, что эта работа будет издана в Турции и содержать как копии оригинальных архивных текстов, так и их переводы на турецкий язык, подготовить которые брало на себя ТТК. Российские коллеги предупреждали, что организовать такие переводы будет трудно, с русским языком XVIII в. обычный переводчик не справится. У него будут и языковые и графические трудности, нужны люди со специальной подготовкой. В конце концов, так и оказалось. Тогда российской стороной был предложен другой вариант публикации русских текстов: в виде резюме их содержания на турецком языке. Этот вариант был принят. Резюме на русском языке было подготовлено. Увы, издание так и не осуществлено.

Примером для Сектора Турции может служить активное сотрудничество с турецкими коллегами литературоведов-туркологов, работающих в нашем институте. Еще в 1980 г. они выпустили в Турции свое исследование «Sovyet Türkologlarının Türk Edebiyatı İncelemeleri» (Исследования советских туркологов по турецкой литературе — отв. ред. Светлана Утургаури); перевели на турецкий язык Татьяна Моран и Юрданур Салман. Книга содержит двенадцать статей, в которых российские туркологи, не вступая в прямую полемику, высказывают свою

точку зрения относительно острообсуждаемых в Турции в 1970-х годах проблем турецкой литературы XVIII–XX вв. Книга была подготовлена по заказу издательства «Джем». Это издательство, созданное в 1964 г. Огузол Акканом, в прошлом журналистом, специализируется на издании научной и художественной литературы. Оно знакомит турецких читателей с многими русскоязычными писателями, в том числе и современными. В настоящее время его возглавляет Али Игур, продолжающий сотрудничать с российскими туркологами. В 1989 г. это же издательство выпустило в Турции сборник статей нашей коллеги, литературоведа Светланы Николаевны Утургаури «О турецкой литературе» (Svetlana Uturgauri. Türk Edebiyatı üzerine). Книга была подготовлена к изданию по инициативе издательства известным турецким литературоведом и критиком Атиллоу Озкырымлы. Он же автор очень теплого предисловия к книге. Переведена она на турецкий язык коллективом переводчиков и состоит из двух частей: общие проблемы турецкой литературы и портреты ведущих современных турецких писателей. В книгу вошли статьи и главы книг С. Утургаури, опубликованные в разное время на русском языке.

К сожалению, у наших историков столь тесных контактов со страной изучения не сложилось.

* * *

Повествуя о развитии туркологии в России, о деятельности Сектора Турции Института востоковедения РАН, о своих коллегах и их работах, авторы хотят надеяться, что туркология в нашей стране и впредь будет успешно развиваться, способствуя дружеским отношениям двух стран — России и Турецкой Республики. Традиции и уже накопленные знания являются залогом того, что эти надежды будут претворены в жизнь.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Аверьянов Ю. Л. 36
Агаев С. Л. 28
Азис Несин 75
Айзенштейн Н. А. 34, 35
Айляров Ш. С. 73
Аксененко М. С. 77
Алаев Л. Б. 86
Алексеев В. М. 23
Алькаева Л. О. 34, 35, 73, 76, 88, 89
Аракин В. А. 73, 76
Астахов Т. 19
Ататюрк М. К. 25, 26
Атаёв Т. 36

Б

- Бабаев А. А. 34, 76, 88
Базиянц А. П. 16, 17, 28, 34, 66, 78
Байер Т. З. 9
Бартольд В. В. 6, 8, 10, 11, 21, 27, 72
Баскаков А. Н. 35
Баскаков Н. А. 73, 76
Бекир Йылдыз 61
Белокреницкий В. Я. 39
Белокуров С. А. 10
Березин И. Н. 10
Бертельс Д. Е. 28
Бертельс Е. Э. 22, 73
Блок А. 26

В

- Валеев Р. Л. 77
Валуйский А. М. 34, 63, 89
Васильев В. П. 72
Васильев Д. Д. 36, 76
Вафа А. 83
Вермишева С. 30
Веселовский А. Н. 13, 17, 18, 68
Веселовский Н. И. 6, 16, 17
Витол А. В. 38

Г

- Гасанова Э. 76
Гасратян М. А. 34, 48, 73
Гаршин В. М. 71
Гафуров Б. Г. 27, 80, 83, 84
Гейдулянов В. П. 18
Герье В. И. 13, 17
Гоголь Н. В. 71
Голенко А. 27
Голубева Н. П. 35
Горбаткина Т. А. 76, 77
Гордлевский В. А. 7, 10, 11, 13–15, 17–19, 22, 23–29, 34, 44, 49, 58, 62, 66, 67, 69–73, 76, 81, 88, 89
Гордлевская В. А. 34
Горчаков А. М. 12
Григорьев А. П. 11
Грунина Э. А. 27, 29
Гурко-Кряжин В. А. 19, 28
Гурницкий К. И. 17
Гылыбов Г. Д. 75

Д

Данилов В. И. 34, 38, 56–58
Данциг Б. М. 10, 11, 16
Дели-Хасан 21
Делюсин Л. П. 30
Дмитриев Н. К. 12
Дмитриева Л. В. 38
Дорн Б. А. 10
Дрига И. 27

Е

Егличка Г. 70

Ж

Жданова А. А. 76
Желтяков А. Д. 35, 38
Жигалина О. И. 59, 77
Жуков К. А. 38
Жуковский В. А. 17

З

Зайончковский А. А. 75, 76
Зайцев И. В. 61, 65, 66
Заходер Б. Н. 17

И

Иванов Н. А. 36
Иванов П. 11
Иванов С. М. 38
Иванова И. И. 36
Игур Али 91
Изидинова С. Р. 77
Ильяс Колчак-паша 9
Инаджик Х. 26
Ирандуст (Осетров В. П.) 19

К

Казаджан Р. В. 77
Казган Г. 40
Казем-Бек А. К. 6, 10

Кара-Языджи 21

Каррнев Б. А. 73, 76
Керр Т. Я. 9
Керимов М. А. 34, 35
Кильнер-Хенкель Б. 76
Киреев Н. Г. 34, 38, 39, 53–55, 73,
74, 86
Коджагёз С. 26
Козин С. А. 23
Кононов А. Н. 10, 11, 18, 37, 62, 76
Конрад Н. И. 10
Корниенко Р. П. 34, 59, 60
Корш Ф. Е. 13, 68
Крачковский И. Ю. 22, 23, 72
Крымский А. Е. 10, 13, 14, 17, 68
Кузнецова Н. А. 28, 66
Кулагина Л. М. 28, 66
Кулматов Д. 77
Кульпин Э. С. 77
Кунош И. 69
Кылычбейли Э. 36, 50
Кямилев Х. К. 34, 35
Кямилева А. А. 34, 35, 73, 81

Л

Лазаревы 12, 67, 68
Левенд (Levend A. S.) А. С. 29, 75,
Левковский А. И. 83
Ли Ю. А. 34, 61–63, 74
Лудшувейт Е. Ф. 73
Луцкая Н. 28
Лызлов А. 5, 10
Любимов К. М. 26, 35, 76, 89

М

Максим М. 82
Мамедова Н. М. 52
Мао Цзэдун 30
Маркс К. 86

Матвеев А. 67
Маштакова Е. И. 25, 34, 35, 76, 89
Мгоян Ш. К. 59
Мейер М. С. 10, 11, 27, 29, 65, 77, 90

Меликов Т. А. 35
Менгли-Гирей I 10
Менгли-Гирей II 10
Микоян А. И. 79
Миллер А. Ф. 65, 66, 75, 76
Миллер В. Ф. 13, 17, 68
Миллер Ю. Л. 74
Минорский В. Ф. 76, 89
Минорская Т. А. 76
Моисеев П. П. 32, 34, 47–49, 58, 76
Молов Р. 75, 76
Моран Г. 90
Мсерианц А. И. 68
Мугинов А. М. 38
Муратов С. Н. 38
Мутафчиева В. 75
Мухаммед Риза 10

Н

Назым Хикмет 24, 61, 62, 71, 75, 76, 89
Намык Кемаль 71
Неклюдов А. 10
Никифоров В. Н. 28
Новичев А. Д. 32, 38

О

Огузол А. 91
Ожерельева З. Г. 61
Озгюль М. 91
Озкырымлы А. 91
Окуджава Б. 82
Ольденбург С. Ф. 18, 28, 72

Орешкова С. Ф. 11, 34, 39, 52, 58, 76, 90

Ортайлы И. 76
Орнатская Л. М. 34, 73

П

Павлович М. П. 19, 20, 28
Петр I 9
Петросян И. Е. 38
Петросян Ю. А. 33, 37, 48, 58, 65
Пешковский Ю. Л. 61
Познанска К. 61
Полевой Н. А. 10, 11
Почхверия Б. М. 34, 39, 55, 56
Примаков Е. М. 38, 84, 85

Р

Равич А. 9
Радлов В. В. 21, 22
Райкин А. 82
Репенкова М. М. 35
Рерих Ю. Н. 87
Розалиев Ю. Н. 32, 34, 38
Рябушинский В. А. 11

С

Салимзянова Ф. А. 35, 36, 73, 82
Самойлович А. Н. 19, 28
Сари 76
Сверчевский К. К. 60
Сверчевская А. К. 34, 37, 60–62
Сенковский О. И. 10
Семека Е. 87
Смилянская И. М. 64, 82
Смирнов В. Д. 6, 7, 10, 11, 65
Смирнов Н. А. 22, 27
Солженицын А. И. 82
Сопленков С. В. 11
Сталин И. В. 85

Стариков А. А. 16
Старостов Л. Н. 35
Старченков Г. И. 34, 66
Струве В. В. 23

Т

Татарлы И. 75
Тверитинова А. С. 21, 35, 36, 76,
82, 85
Тевфик Фикрет 26
Тенер Халдун 75
Тогочар М. 36, 55
Тодоров Н. 75
Толстой Л. Н. 71
Толстой П.А. 65, 90

У

Ульченко Н. Ю. 38–40, 49, 51–53,
65, 77
Унат Ф. Р. 75, 76
Уразова Е. И. 34, 39, 49, 50
Утургаури С. Н. 35, 62, 77, 90, 91

Ф

Фадеева И. Л. 38
Фарзалиев А. М. 38
Фаррохи С. 77
Фекете И. 76
Фильштинский И. М. 82
Феонова В. 61
Фиш Р. Г. 76
Флоровский Ф. 87
Френ Х. Д. 10

Х

Хаммер Й. 7
Хатанзеева В. И. 74
Хвольсон Д. А. 72

Ц

Цветкова Б. 75
Церуниан С. Г. 18
Цабульский В.В. 67

Ч

Черман Т. П. 37, 61
Чехов А. П. 71

Ш

Шамсутдинов А. М. 27, 31–34, 38,
41–46, 63, 65, 73
Шайхиев Р. Л. 77
Шеремет В. И. 36
Шиллинг П. Л. 72
Шоу С. (Shaw S.) 8, 11
Штемпель М. И. 77
Шувалов М. П. 11

Э

Эмин Н. О. 68
Энгельс Ф. 86

Ю

Юсипова Р. Р. 35

Я

Яшар Кемаль 75

Научное издание

Юлия Александровна Ли,
Светлана Филипповна Орешкова

**СЕКТОР ТУРЦИИ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
(к полувековой истории существования)**

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор *М. С. Грикурова*

Корректор *Л. В. Хохлова*

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28.04.2001
Подписано в печать 28.12.09. Формат 60х90/16
Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 5. Тираж 100 экз.

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Зайцев